Евгений Платонов

Сакральная топография деревень в нижнем течении р. Шелонь (исследования в округе бывших Илеменского, Ретенского и Скнятинского погостов)

Евгений Викторович Платонов
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Сакральная топография деревень различных местностей России в последние десятилетия привлекает пристальное внимание историков и этнографов[1]. Наибольшие результаты были достигнуты в изучении Русского Севера благодаря хорошей сохранности источников и целенаправленной работе ряда исследователей, занимавшихся изучением истории и культуры местного населения [Теребихин 1993; Русский Север 1992; Русский Север 1995; Столяров 2001; Рыжова 2003; Культурный ландшафт 2004; и др.]. Систематическое обследование локальных святынь и почитаемых мест позволяет изучать исторически сложившееся, сложно организованное культурное пространство деревень, почитаемые места и культовые постройки которых представляют собой единую систему, многие объекты

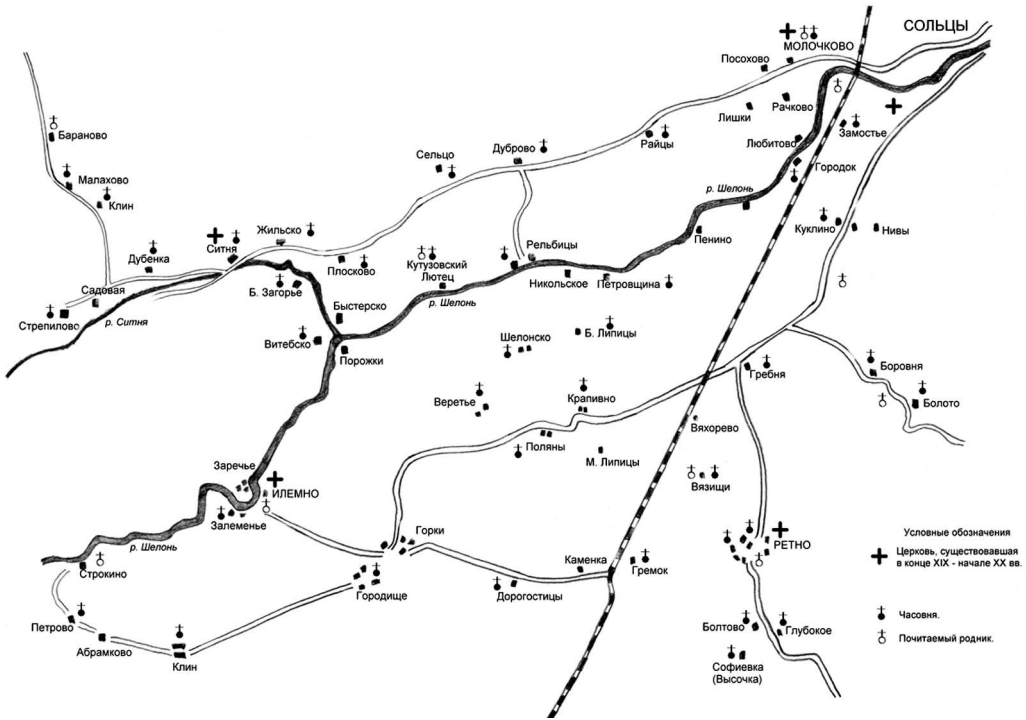
[1] При описании системы деревенских святынь и иных религиозных комплексов используются различные термины — *сакральная география, сакральная топография, сакральная сеть, сакральная карта* и др. Все эти понятия близки друг другу и относительно точно выражают основные принципы исследования: изучение культовых или почитаемых объектов в их взаимных связях на определенной географической территории.

которой можно проанализировать в культурно-историческом контексте и культовом синтезе.

Одним из следствий развития деревни и деревенской общины является создание собственного культурного ландшафта, наиболее полно отвечающего задачам освоения окружающей территории для каждого этапа жизни поселения. Сакральная топография как составная часть культурного ландшафта и один из его формообразующих факторов возникала, развивалась и менялась, подчиняясь циклам хозяйственного освоения территории и духовным процессам, формировавшим культуру местного населения. На протяжении длительного исторического периода за каждой территорией закреплялись свойственные только ей акценты религиозного обихода и строй религиозной жизни. Эти традиции проникали в повседневную жизнь сельского населения благодаря влиянию церковной практики и церковной культуры, а также изменялись со временем, подвергаясь переосмыслению и адаптации в народной среде. Двуединый процесс привел к сложению в отдельных регионах Северо-Запада России различных исторически обусловленных традиций сакрализации пространства и соответственно к формированию различных типов сакральной системы, характерной для групп сельских поселений.

Задачей исследования сакральной топографии на современном уровне является определение типов сакральной системы, существующих на Северо-Западе России, и периодизация их развития, если периоды поддаются хронологической дифференциации. Основными источниками информации для картографирования и определения региональных особенностей сакральной сети являются подробный опрос местного населения и архивные материалы. Он позволяет зафиксировать все существовавшие в последнее столетие элементы, определить особенности функционирования деревенских святынь, составить их типологию, характерную для данного региона, и довольно точно проследить изменения, произошедшие в физической составляющей сети на протяжении последнего столетия. Вторая часть исследования — историко-географическая — включает поиск причин складывания актуального для конкретного региона типа сакральной сети, а также по возможности выводы о времени появления того или иного ее элемента.

В 2002–2006 гг. в ходе ряда экспедиций был собран материал о духовной жизни деревень, расположенных по р. Шелонь, в западной части Солецкого района Новгородской области. В XV–XVII вв. на этой территории находились Илеменский, Ретенский и частично Скнятинский погосты Шелонской пятины. С 1776 г. она вошла в состав Псковской губернии, в составе



Карта 1. Культовые объекты на территории бывшего Илеменского, Ретенского и Скнятинского погостов

которой пребывала до 1927 г., после чего была приписана к Ленинградской области, а в 1944 г. при образовании Новгородской области вошла в состав Солецкого района. Основными звеньями сакральной сети региона являются церкви, часовни и почитаемые родники.

Церкви. На начало XX в. в границах исследованных территорий существовало пять приходских церквей: в с. Илемно, Ретно, Ситня (Княжичи), Молочково и на погосте Шнитино (бывший Скнятинский погост). Все приходские центры (за исключением поздней церкви в с. Ситня) имели устойчивую топографическую структуру, состоящую из храма, почитаемого родника при нем и часовни (иногда нескольких), стоящей на селе в некотором отдалении от храма. Наличие часовни считалось обязательным в каждом поселении, так как часовни выполняли важные функции в похоронных обрядах.

Древнейшей из церквей был каменный храм Введения Пресвятой Богородицы с приделом во имя Николая Чудотворца на погосте Шнитино. Впервые деревянная церковь на этом месте упоминается в 1498 г.: «Погост Скнятин на Шолоне, а на нем церков Введенье Пречистой, двор игумен Мартирей, двор дьяк Демех, двор проскурница Офросинья, двор сторож Вахромейко» [НПК 1905: Стб. 162]. С 1552/1553 г. на погосте отмечена теплая (каменная) церковь во имя Николая Чудотворца [НПК 1886: Стб. 539].

Согласно преданию, стоявшая на погосте каменная Введенская церковь была построена в XIV в., однако в источниках до 1611 г. храм во имя Введения Богородицы упоминается как деревянный [СПБ ИИ м/ф 305: без пагинации]; как каменный он фигурирует с 1768 г. [РГИА ф. 834, оп. 3, д. 2456: 143–150][1]. Можно предположить, что каменный Никольский храм был перепосвящен в XVII или XVIII в. во имя Введения Богородицы, после чего к нему был пристроен (или перепосвящен существовавший во имя другого святого или праздника) Никольский придел. Церковь принадлежала Введенскому монастырю, который располагался на погосте. Упразднение монастыря произошло в период между 1716 и 1720 гг. — в это время он был преобразован в приходскую церковь [ИИМК ф. 1, оп. 1902, д. 202: 13 об.]. В 1887 г. к церкви была пристроена кирпичная колокольня на месте деревянной [Там же: 14, 21 об.] (фото 1). Церковь просуществовала до Второй мировой войны, когда она была частично разрушена, а после разобрана для строительства

[1] Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность А.А. Селину за возможность ознакомиться с архивными материалами о средневековых посвящениях церквей Северо-Запада России.

Фото 1. Введенская церковь Шкнятинского погоста.
Фотография начала XX в. из фондов рукописного архива ИИМК

колхозных дворов. До нашего времени сохранилось и продолжает функционировать кладбище, имевшееся при церкви.

Шнитино с ближайшей к ней деревней Замостье представляло собой сложный комплекс, состоящий из разнотипных почитаемых объектов и культовых построек, характерных для приходских центров верхнего течения р. Шелонь. В д. Замостье стояла часовня, использовавшаяся только в похоронных обрядах: «И здесь была часовенка. Раньше ж наверно и покойников, Толь, как умрет — в часовенку выносили». После того как часовня разрушилась, на ее месте был поставлен крест. Западнее, на берегу р. Шелонь, около двух археологических сопок находился почитаемый колодец, к которому ходили с крестным ходом в престольный праздник: «А потом-то у нас была часовенка вон там, на бярягу реки, считай. — *А там что?* — А там какой-то колодец, колодец, никак, Толя? — Колодец. Там озёрко было выкопано, крест запушен, это бабки ещё рассказывали. Крестный ход ходил туда. — *На колодец на этот по какому ходили празднику?* — Наверно, по нашему, когда Веденьé, чего-то я не помню. — *А на колодце висела, может, иконка, или крест стоял?* — Да, крест стоял. Крест, я думаю, Толя, был там. Домичек стоял» [ПЗА 2004: д. Замостье].

Описание некоторых почитаемых родников данного микрорегиона, составленное в 1930-х гг., позволяет существенно дополнить собранную информацию. Согласно этому описанию, над родником была устроена часовня в честь иконы Живоносного

источника: «Существующая часовня, крестообразная в плане, выстроена, судя по состоянию бревен, лет 50 назад и сохранилась довольно хорошо. Часовня стоит над источником, вытекающим из-под возвышенности. Самый источник заключен в сруб, который приходится как раз в центре часовни. <...> Из сруба вода протекает ручейком под полом часовни и собирается в пруде, кругом которого посажены восемь берез, очевидно, современных часовне.

По словам легенды, почитание этого источника началось в незапамятные времена, после того как к нему во время весеннего половодья приплыла на камне икона Живоносного источника. По рассказам стариков, камень, на котором был какой-то „следок“, находился не около часовни, а на самом берегу Шелони. <...> Про часовню же старики говорят, что выстроена она очень давно, никто не помнит — когда, но, мол, по словам их отцов и дедов, она появилась на месте старой сгнившей както таинственно: никто не видел, когда и кто строил.

Из Шкнятинской церкви ежегодно в пятницу на Пасхальной неделе (день явления иконы и день празднования иконе Живоносного источника) и в Троицу (с чтимою иконой Троицы) свершались крестные ходы. <...> В эти дни являлось много больных, пивших воду, умывавшихся и купавшихся в пруде. Икон в часовне теперь четыре: Живоносного источника <...>, кн. Владимира, Веры и какая-то почерневшая Богородица» [ИИМК ф. 2, оп. 2, д. 1738: 3 об.–5].

От каменных церквей в Илемно и Ретно в настоящее время остались только остовы. В Илемно — центре обширного Илеменского погоста — стояло две церкви: каменная, 1842 г. постройки, во имя Сергия Радонежского, и пятиглавая деревянная Успенская, XVII в.[1] (фото 2 и 2а). Успенская церковь была отреставрирована в 1891–1909 гг. и перепосвящена в честь Казанской иконы Богородицы. Тогда же каменный храм был перепосвящен в честь Успения Богородицы [Лебедев 1915: 63–64], однако новые посвящения не успели закрепиться в народной памяти и при опросах указывались их первоначальные названия, каменная — Сергиевская и деревянная — Успенская. «Тут такая красота было, вот в Илемно такая церковь было, так немцы её розбили, топерь на ей берёзы ростут и всё... И было старая церковь [деревянная. — *Е.П.*], ну в старую церковь ходили в войну, когда война-то было, так вот ходили в неё, в старую церкву. А потом вот тоже, там кладовая никак было... Там

[1] Датировки деревянной церкви сильно разнятся — от 1631 г. до 1682 г. (вторая дата по учетной карточке архива ИИМК ф. 35, оп. 7, д. 79. Метрика № 72). Вероятно, в конце XVII в. она была частично перестроена или существенно отреставрирована.

Фото 2. Сергиевская (Успенская) церковь Илеменского погоста. 1842 г. Современный вид

сейчас поставили под горой, кака-то часовенка. А там-то когда церковь было каменная, такая красотищща было — на бярегу Шолони, березы стояли, сколько людей туда ходили. Я помню это, ходили всё, скамеечки всё поставлено было — красота было, красота» [ПЗА 2002: д. Городище].

Между церквями, на изгибе р. Шелонь, находится почитаемый родник: ранее над ним стояла деревянная часовня; недавно на пожертвования местных жителей построена каменная, посвященная Параскеве Пятнице. «Священник у нас в И́лемне, в И́лемне там две церкви старинные. — Там вот даже часовенку восстанавливали, <...> там ключок был такой, коло старой церкви... — Там крыша вот так вот сделана, крестик, там четыре столбика и вот так крыша. И внутри там крестик стоит. — Это там свята вода. — *А по завету туда ходили?* — Да. По завету ходили вот эта пятница после Троицы. Ой, забыла на какой день. За-

Фото 2а. Успенская (Казанская) церковь Илеменского погоста. XVII в. [Лебедев. 1915]

Фото 3. Ретенская Никольская церковь. Середина XIX в. Современный вид

ветный праздник был в Илемне, вот там на ключок ходили. На Шолонь ходили и на ключок. Ключок — там всё время вода была» [ПЗА 2002: д. Клин].

Ретенская церковь Николая Чудотворца отмечена на погосте с 1539 г. В современной каменной церкви постройки середины XIX в. в настоящее время расположены клуб и сельсовет (фото 3). В самом селе стояла часовня, в интерьере которой упоминается древняя икона «Символ веры» [ПЕВ № 9 1913: 221]; другая часовня располагалась на сельском кладбище: «Мама говаривала раньше, всё здесь хоронили, было часовня. И мама говорила, вси старалися туда похоронить, теперь всё зарошше, а там было часовня, и вси старались похоронить к святому месту» [ПЗА 2004: д. Софиевка (Высочка)]. Две часовни указывают на значительное разграничение функций культовых построек — храм как основное культовое сооружение, деревенская часовня, в которой покойника оставляли на три дня до отпевания, и часовня на кладбище, в которой отправляли поминальные службы. Около церкви находился почитаемый родник. «*А где у вас святые ключи были?* — А у нас в Ретне один ключ был, вон там, прям около речки, а второй был у нас тут у Кати в огороде, у ей сруб зделано, вот туда ходили» [ПЗА 2004: д. Вязище]. Информация об этом роднике очень бедна, по всей видимости, паломники из других деревень его не посещали и он был актуален только для жителей с. Ретно. Более известный почитаемый родник находился в соседней деревне Вязищи, он акцентировал основное внимание местной округи, возможно, благодаря легенде о явленной около него иконе.

Церковь во имя Александра Невского в с. Ситня (ранее — Княжичи)[1], по сообщениям местных жителей, была построена в 1895 г. Само здание храма существовало и раньше: он был приписным к церкви погоста Илемна, а к концу XIX в. относится восстановление его самостоятельности и образование Ситненского прихода [ПЕВ № 24 1896: 434]. Существование храма в этом селе продолжает средневековую традицию: «Село Княжичи, а в нем храм Никола Чюдотворец да придел Пятница святая» [РГАДА ф. 1209, оп. 1, д. 957: 1338]. Сохранилось скупое описание церкви: «Храм деревянный, крытый железом, крашеный, довольно поместительный и светлый и производит вообще приятное впечатление; находится он на открытом высоком месте, вблизи домов прихожан и недалеко от берега р. Ситни» [ПЕВ № 24 1896: 433–434].

Храм был освящен во имя Александра Невского, но есть основания полагать, что до получения самостоятельности его престол был посвящен Иоанну Предтече или Иоанну Богослову (см. ниже описание системы праздников деревень). Освящение храмов и часовен во имя Александра Невского зафиксировано на северо-западе во многих случаях в 1880–1890 гг. и связано с серией неудачных покушений на императора Александра III — часовни возводились в благодарность за избавление царя от смерти. По всей видимости, такой же повод сыграл решающую роль в перепосвящении храма при возобновлении прихода[2].

Церковь была разрушена огнем немецкой артиллерии во время Второй мировой войны. Часовня, находившаяся в деревне до постройки церкви и располагавшаяся напротив нее, на противоположном берегу р. Ситня, представляла собой маленький домик, примерно 3×3 м в плане, и ассоциировалась исключительно с похоронными обрядами: «В Вытепске, например, часовенка стояла посреди деревни, если покойник умéр, значит яго несут в часовенку <...> в часовенке стоит, покуду его хорóнить. Для этого, наверно, часовенка и делалась, покойников выносить» [ПЗА 2006: д. Ситня]. До возведения церкви около нее, вероятно, также служили молебны, что зафиксировано для других часовен региона, после же эта функция была утрачена.

---

[1] Названия эти применялись наравне уже в XVIII в., что отмечено в материалах Генерального межевания: «д. Княжичи, а по крестьянскому званию Ситня» [Андрияшев 1914: 208].

[2] Впрочем, возможно, что освящение престола во имя святого Александра Невского произошло в связи со смертью императора. 18 января 1895 г. Синод издал указ «об увековечении памяти в Бозе почившего <…> императора Александра Александровича, за явленные им церкви, ея служителям и народу неисчислимые <…> милости», в связи с чем предполагалось построить в Санкт-Петербурге храм во имя Александра Невского [Циркулярные указы 1901: 328–329]. Аналогичными соображениями могли руководствоваться и при перепосвящении сельского храма.

Фото 4. Успенская церковь в с. Молочково. 1815 г. Современный вид

Единственной сохранившейся и ныне действующей церковью является Успенская церковь, предположительно 1815 г. постройки [ИИМК ф. 2, оп. 2, д. 1738: 2 об.] в с. Молочково (фото 4), бывший Успенский монастырь, отмеченный с 1539 г.: «Деревня Молочково, церковь Успение Пречистые: двор игумен Корнилей, двор диак Захар, двор сторож Тимошка, двор проскурница Настасья» [НПК 1905: Стб. 501]. Центр прихода традиционно составляли церковь, часовня на окраине села и почитаемый источник.

«Метрах в 200 к юго-востоку от церкви, под горою, недалеко от речки Мильца стоит деревянная, крестообразная в плане часовня, внутри которой находится колодец, заключенный в деревянный сруб. <...> Колодец считается святым, а находящаяся в нем вода — целебною. Почитание колодца церковной летописью объясняется тем, что на нем явилась икона Успения, находящаяся в настоящее время в Молочковской церкви. О том, что икона явленная, знает население Молочкова и ближайших деревень, но о том, что она явилась на месте колодца, — уже позабыли.

К часовне раньше совершались крестные ходы в Успенье и в Вознесенье. В часовне находятся несколько икон <...>, среди которых необходимо отметить иконы Успения, Вознесения и Живоносного источника. Здесь же помещаются и устаревшие <...> иконы, приносимые жителями Молочкова.

Сама явленная икона находится в Молочковской церкви. <...> Считается она и чудотворною. Священник рассказывал мне

случай исцеления бесноватой девушки, приведенной сюда матерью „по видению“ (это было при одном из его предшественников). Икона раньше носилась по деревням прихода» [ИИМК ф. 2, оп. 2, д. 1738: 2 об.–3 об.] В настоящее время легенда о явлении иконы на источнике практически забыта. Удалось записать два отрывочных не очень уверенных воспоминания: «Я не знаю, бабка чего-то моя бредила, да я не чую... Каку-то там даже иконку обнаружили... но я не помню» [ПЗА 2006: д. Рачково]. «Всё говорили, кака-то Божья матерь прошла, да это всё ерунда. Просто такая жила́» [ПЗА 2006: д. Сельцо].

Это самое крупное почитаемое место среди окрестных деревень, которое было известно на несколько десятков километров вокруг и отмечено массовым паломничеством на протяжении последнего столетия:

«Мы ходили, сынок... Это на водобег, в Городок [Молочково — дорога к церкви шла через д. Городок. — *Е.П.*], Городок, вот такой было праздник, вот туда к Сольцу, Городок. На Шолони. Вот туда мы ходили в Крещение [Вознесение. — *Е.П.*], был такой праздник... Он уже не зимой, весной вроде. Да это не только туда вот ходили, что мы вот отсюда, а вот за́-мхом... Вот там у нас два километра поле, потом мох, и вот через мох — там есть деревни — вот через мох бывало люди идут с чгункам, с ночлегом вот на етот водобег, на Шелонь. Бывала я, сынок. Там тоже была церква, и вот этот батюшка выходил, там был сделан вот так вот ключ, кидали деньги туда. — Посмотришь, бывало в ключ, на водобеге, накидано денег туда, серебро, так и сияют вси. Нету грязи там, как вот на етой, на дороги. — *Водобег это название, да?* — Да, ключ на водобеге был. И вот на этом ручью был ключёк такой, ну как обыкновенный лесной ключёк, и вот там кидали деньги туда, батюшка приходил, крестный ход шел круг ключа и вот кропил там, деньги, это, и люди набирали [воду], вот. Ещё и купалися там издалека, чтоб исцелиться. — Там было всё покрыто, ну, обыкновенный, всё, с крышкой. Вот на крышке там самодельный или какой, был на крышке крестик. — Вот, брали святую воду... — *А это не называлось „по завету ходить“?* — Вот это и было по завету. Люди завещали, купалися, исцелялися. Это уже вот завещаешь ты, приходишь и в этот день, и там вот завещанье было. Вот и ходили по нескольку километров за́-мху» [ПЗА 2004: д. Болтово].

Самый отдаленный пункт, откуда на местные праздники — Вознесение и Успение — стекались паломники, — город Дно, более чем за 30 км от Молочково. Родник в Молочково считался целебным, к нему ходили по завету: «А по завету вот ходили, тётя Нюта рассказывала, у неё глаза всё болели, и вот она дала завет пойти в Молочково, там святой ручеёк и якобы ей

помогло... — А мы с Маней Петиной в Молочково в Вознесенье, мы ездили с ей, так народ с других областей туда приезжает... — Бывало из-за Дна шли пешом, пожилые идут, ... и даже голые — уж теперь-то кажется немножко народ не такой дикий — прям голые в ручеёчке, и ручеёк-то повыше щиколотки, водичка течет... — Там сделано так, что колодец, и вот он там святят, и всё по ручейку текёт, в колодце святят? а там же и моются, и до колена роздевши, и голые роздевши...» [ПЗА 2002: д. Веретье].

В роднике купались не только в престольные праздники, но и на Крещение, что связано с обычаем освящения воды на праздник Богоявления. Некоторые отмечали, что на Крещение купались только те, кто ходил в святки нарядником, для того, чтобы смыть грех, однако, учитывая большое религиозное значение, которое придавалось крещенской воде и ее употреблению, следует предположить, что купались и другие паломники. «*А на Крещение купались у вас в проруби?* — Да, вот только до Крещенья и нарядники ходили, а в Крешенье — у нас вот в Молочкове бы́ла, там ключок у нас, там ключок был очень хороший, и там вот Вознесенье, крестный ход идет, ой миру-то! А раньше миру-то было! И сбоку поставлены как баенка, и туды ставили бутылку вина, стоканчик, а купаться ходили. А бывало морозы-то каки! А всё равно, раз надевал на себя нарядником, идут. Уконутса, и бегут скорее в баню, баня натоплена, там выпьют и наденут, и всё. — *А это только кто нарядником ходил*... — Да. А зачем же я пойду?» [ПЗА 2002: д. Петрово]. Для нарядников купание носило обязательный характер.

Праздники в Молочково отличались большим скоплением народа и особой торжественностью, на праздник Вознесения до 1920-х гг. устраивались ярмарки, когда вся центральная улица заставлялась торговыми палатками.

Была зафиксирована информация еще об одной церкви, которую поставили в д. Бараново в 1918–1920-х гг. и которая была уничтожена перед Второй мировой войной, однако исторических источников, в которых она упоминается, обнаружить не удалось, а воспоминания старожилов о ней практически отсутствуют. «Она была — сруб был откуда-то перевезен — можно сказать, ромбой такой... и всё в лапу, знаете в лапу как рубилось? А большая... Где это, где колокольня, это значит где молельня, там зал большой, исторический потолок, было полотном обтянут, из льна такой вроде парусины, и пропитан олифой, как загрунтован, и ангелы такие, помню, всё задирали головы... Два выхода было, вход и выход» [ПЗА 2006: д. Жильско]. Церковь эта, возникшая сразу после революции, просуществовала недолго и не успела оставить в памяти местного

населения прочного следа. Стоит отметить лишь местонахождение храма — в поселении с почитаемым родником, что, с одной стороны, можно рассматривать как завершение развития культового места (родник, часовня, храм), а с другой — это соответствует традиционным доминантам приходского центра.

Часовни. Часовни были зафиксированы во всех обследованных деревнях за исключением нескольких поселений, примыкающих к с. Молочково (Лишки, Посохово, Рачково). На протяжении XX в. отмечаются изменения в функциях часовен, происходившие вслед за изменениями в культурной среде и государственной политике в отношении к церкви.

Отмечены следующие типы часовен (перечислены в порядке количественного преобладания): деревенская часовня; часовня над родником, часовня, приближенная к типу столобка; часовня на жальнике и кладбищенская часовня (уверенно зафиксирована только на погосте в с. Ретно). Топографически часовни располагались либо посреди деревни, среди жилых домов, либо на окраине, на въезде в поселение, но также в его черте. После Второй мировой войны топография несколько изменилась: многие деревни были сожжены и отстроены заново, но территория вокруг уцелевших часовен не застраивалась, и зачастую по одной стороне улицы стояли дома, а на противоположной — только часовня, противопоставленная, таким образом, жилым постройкам.

Наиболее полно задействованы в религиозной жизни деревенской общины часовни были в первой трети XX в.: «*А вот часовенка у вас была своя?* — Была, была, была. Хорошая была, ну перед войной ею... Была хорошая. Священник приезжал, служили молебны. Нет дожжа, едут в церковь, священника... Служат, чтоб бог дал дожжа. Было так. Когда человек умирает, человек у нас в деревне, была большая деревня — тогда ево нясут в часовню, в холодное место, всегда. А уж с часовни в церковь, хоронить» [ПЗА 2004: д. Боровня].

«*Часовенка было раньше?* — Было, хорошая было, как церковь. А вон там изёбка одна стоит, вот на етом месте; как церковь. Как умрет чоловик, так в часовенку, как церковь была часовенка... — *А молиться туда ходили?* — А как же не ходили? Кажно воскресенье идут и... чоловека положут, дома не оставляли, а всё вот в это... в часовенку. — *А в часовне священник служил?* — А как же в часовне не служить? Часовня была как церковь, боженьки были, пол этот вот, как в церкви... — *А бывало такое, что к вам священник приезжал на праздник?* — Бывало, да, ходил по избáм и ето... ну, читал там, ну и давали ему за ето. — *А что давали?* — А шо — кто денег, яичек, у кого што есть, давали, а как же? Так не. На Пасху ходили, и вот потом наш праздник

был, вот пятница — девята пятница от этой, от Паски. Тоже приводили попа. Дожей долго не было — вынесут стол, поставят, накроют вот такой, вот так... Что за боженька? С большой боженькой приеде поп, слу́жа, потом эту вот боженьку нёсут, а народ всё под ёю, по всей деревне, глядишь — дожж... А теперь — нет дожжа и нет, никто не съездит к попу» [ПЗА 2002: д. Городище].

В наиболее отдаленных от приходской церкви деревнях службы у часовен проводились, как правило, только в заветные праздники[1]. Если завет был сделан после падежа скота, после молебна перед часовней прогонялось деревенское стадо, которое кропили святой водой: «*Священник приходил на эти праздники?* — Приходил, в кажный праздник... Вот у нас, в Петровщина жила... Ягитрий, 10 августа, всегда ездили за священником. Кресты приводили, часовенка было своя, служили... Бывало, умрет человек, намоем, нарядим, снесем в часовенку. В часовенке идё служба, а так уже и знали все, лошадей вси... всих лошадей приводят мимо, батюшка побрызгает, потом коней, лошадей проведут, коров гонют, их побрызгает, вот... Это в Ягитрия. Служили, если привезут батюшку, нет дожжа, вот приведут послужить, дождя просили, водили так... — *А где он служил?* — На поле» [ПЗА 2002: д. Крапивно].

«Вот у нас кресный ход каждое лето. Скот стал гибнуть, батюшку пригласили, батюшка етот святил и святил весь скот — с поля пригонют, и он святит их. И как-то лучше делалось. — *А святил на прогоне?* — Вот здесь, где часовенка» [ПЗА 2002: д. Городок].

«*У вас часовенка была, так вот туда ходил народ по праздникам?* — А как же. В праздники я помню [Соб. 2 — Даже вот попа приводили, службу служили, он даже ходил на Пасху] по избам ходил. У нас была хорошая часовенка, тесом обшита, икон много, а потом всё развалилос, иконы разобрали. — *А вот покойников ставили в часовню?* — Да, ставили. И священник приходил отпевать, читал, и так народ раньше... были у старых людей Библии и Евангелья были, всё читали, молились и читали. И сами вот постарше — старухи богомольницы, ходили, там — что надо, заупокойные молитвы читали. — *А если, скажем, дождя нет — слали за попом?* — Да. Служили молебны, просто по деревне с молитвами и с иконами ходили» [ПЗА 2002: д. Веретье].

---

[1] Ср. отношение к заветным и престольным праздникам среди крестьян [ПЕВ 1895 № 22: 392–396]. Заветные праздники старались праздновать благочестиво, с крестными ходами и молебнами, тогда как престольные праздники отмечены разгулом и непристойным поведением.

Впоследствии, когда церкви были закрыты (за исключением периода немецкой оккупации во время Второй мировой войны), а часовни еще не разрушены, их использовали исключительно в похоронно-проводных обрядах, с чем связана вторая группа текстов, повествующая только об этих функциях часовен: «*А часовенка у вас каменная была или деревянная?* — Нет, деревянная. Иконы всё были, кумполочек был, крест наверху был. Сейчас вот умирают, и всех дома, умрет человек... А раньше там, дома не содержали, вот в эту часовенку носили. Там ставили, там было скамейка, вот, и на два, на три дня, кто как справится. — *А читали там что-нибудь?* — Ну вот было там этот... Ну, хто грамотный, так вот приходил читал книжки там, вот. Молитвы читал. В часовенку шли тогда, сынок, когда вот умирает. А так не ходили. Ну зачем туда было идти? — *А прощаться к нему туда ходили?* — Ходили. Ну, не вся [деревня], а хто залавивши, своя роды или со стороны хто придет» [ПЗА 2004: д. Болтово].

«*А вот в часовне у вас служили? Приходил священник, чтобы молебен читать?* — Это я не помню, раньше, может, и приходил. Тута раньше в Ситне церковь была, так в Ситню ходили в церковь. — *А говорят, у вас раньше в часовни покойников ставили...* — Да. Покойников ставили: вот часовня для этого и была, только как святое место, и всё. Примерно с дом, только пониже» [ПЗА 2006: д. Плосково].

«*А часовни большие были?* — Часовня... как те сказать... как сарай, да. Раньше видишь, дело как, умрет человек — в избы не надо его стоять, чтобы ходили люди там... ну, прошались там да глядели, перед иконам поставят гроб, вот и приходит там вся деревня. А так вынесут в часовню, в часовне иконы, какая-нибудь там бабка или дед какую-нибудь там молитву [прочитает], ну и грязи нету. Ну а потом там вынесут, захоронют, родственники намоют эту часовню, опять всё путем. — *Так просто не ходили туда помолиться?* — Нет, так чего там ходить?» [ПЗА 2006: д. Лишки].

В некоторых деревнях после разрушения часовни до последнего времени сохранился обычай класть гроб с покойником на место бывшей часовни для прощания: «Часовенка хорошая было, туда носили покойников, клали. — *Это вот на прогонето?* — Да. С самого начала и всё время клали покойников, потому что в избы-то жарко было. Я знаю сейчас, там часовни не осталось, осталась площадка, прощаются — туда несут. А было часовенка. В войну деревню немцы сожгли всю, а часовенка-то осталося» [ПЗА 2004а: д. Вязищи].

Очень маленькая часовня, похожая по описанию, скорее, на столобок, была в д. Стрепилово: «Часовня Тихвинской Божией

Матери она называлась. — *Часовня маленькая была сама?* — Маленькая, там иконки... — *А в часовне были какие-нибудь службы на праздники?* — Ну, в нашей не было часовне так, просто вербочки там наложены, в Вербное воскресенье вербочки в эту часовенку ходили... и дома себе... а в Троицу березки... — *А в вашу часовню покойников не ставили?* — У нас маленькая, может, два на полтора метра» [ПЗА 2006а: д. Жильско].

Большинство часовен, несмотря на тяжелые бои, которые велись в этих местах во время Второй мировой войны, уцелели, и их исчезновение относится уже к послевоенному времени. Некоторые из них были разобраны на строительство домов, при этом отмечали, что в таких домах жить было неуютно: «Даже рядóм часовенка была вот в Клину, ну тую часовенку разобрали и вот бабка старая была, и ею поселили в дом, в эту часовенку. Она потом не стала жить, она сказала, что мерещится там всё какие... она не стала жить» [ПЗА 2006: д. Малахово]. Много часовен погибло в 1960-е гг.; они были уничтожены по распоряжению местной власти. «*А вот часовенка у вас была своя?* — У нас не было. Вот на той стороны [по южному берегу р. Шелонь. — *Е.П.*], там было много часовен. Я работал трактористом, я там 7 часовен ставил. <...> Ну там было в каждой деревне, потому что в Советском Союзе церквы были много закрыты, там не было церквы такой близко. Вот там ставил. А у нас как получилось, что от нас тяжелую технику туда, в Леменку гонят трактора... И вот председатель райисполкома даст им там рублей 20–25: „Своротите часовню!“. Ну они едут с трактором... А часовни срублено... они как своротят, она так и стоит на дороге. Приходит бригадир, скотину гнать, а не прогнать. Стоит посерёд деревни. Пойдешь там по дворам, пригонишь — поставят на место. Ну, собиралась вся древня, правда, скот-то надо гнать, ну и ругались: „Какому бесу она мешала“. Поставишь на место. Вот так семь часовен» [ПЗА 2006: д. Лишки].

Места уничтоженных часовен с 1940–1950-х гг. стали отмечать установкой крестов, которые и сейчас стоят во многих деревнях. «*А здесь у вас, наверное, была часовенка своя?* — Часовенка — во кресток-та — да, вот ишо я вышла, а здесь было. Не знаю ток кто, какой чоловек был померши, а в часовенке стоял. Там иконки, и батюшка вот приежжал, службу здесь служил, молебны. — *А часовенка-то большая была?* — Маленькая! Маленька-маленька. Потом в эту войну розрушилос всё, и всё. — *А крестик уже после войны поставили?* — Поставил вот тама, напртив, сосед. Сделал крестик и поставил. Хулиганьё-та! Стоял-стоял там много годов, можа, а наверно у них высажено стекло, розбито и боженька опять не знаю — поставлен-ли. — *На нем боженька был?* — Да, вот иконка вот такая врезана. Спаситель. <...> Там ничого не было. Вот только когда в праздники ба-

Фото 5. Часовня в д. Клин. 1904 г. Современный вид

тюшку когда привёдут, дак он отслужи...» [ПЗА 2002: д. Петровщина].

« *А у вас была какая-нибудь часовенка?* — Часовенка была. А там посреди деревни крест стоит. — *А к этому крестику сейчас ходят?* — Нет, сейчас не ходят, так — кто идет, перекрестится и всё. Народу-то мало. Ну, эти — веночки, вешают... — *Бывает, конфетки приносят, пряники?..* — Да, бывает там, что в праздники, особенно в Троицу, вешают этот, веночек» [ПЗА 2002а: д. Б. Липицы].

В настоящее время сохранившиеся часовни отмечены в д. Клин, Софиевка (Высочка), Витебско, Малахово и Бараново. Только в д. Клин часовня сложена из камня, остальные — бревенчатые и представляют значительное разнообразие конструкций.

Часовня в д. Клин (фото 5), квадратная в плане, сложена из кирпича и декоративно оформлена диким камнем (так называемая «циклопическая кладка»): «Вот у нас часовня построена, вот сто лет наверно уже ей, старая... — *Может быть, Вы помните, как эта часовня выглядела?* — Помню, да. Там очень красиво выглядело. Купол был, наверно и крестик был. Часовню я помню ещё в детстве, служил батюшка, и там такая была красотища, такие были иконы, лампады, [Соб. 2 — И сделан полки были] окны были вон таким, знаешь, вон таким сделаны [полукруглые]. Я помню, я в окне стояла, ещё в детстве в окне стояла, красота была, какая часовня была!» [ПЗА 2002:

Фото 6. Часовня в д. Витебско. Современный вид

д. Клин]. Согласно дате, выбитой на стене часовни, возведение ее относится к 1904 г.

Сруб часовни в д. Витебско недавно был переложен местными жителями, однако, по их словам, часовня сохранила свой первоначальный вид (фото 6). По размерам она похожа на часовню в д. Стрепилово — приблизительно 3×2×2 м, внутри часовни сохранилось четыре иконы (две иконы Воздвижения креста, две — Казанской иконы Богородицы) и один пустой оклад. Очевидно, что проводить общественные молебны в такой небольшой постройке невозможно, это же подтверждают слова старожилов о том, что в часовню только «ставили покойников».

Часовня в д. Софиевка (Высочка) по внешнему виду наиболее подходит к традиционному описанию деревенских часовен этого региона: вероятно, большая часть их была более или менее похожа на нее (фото 7 и 7а). Снаружи, на полукруглом фронтоне, был прибит холст, на котором были изображены святые и ангелы, внутри потолок часовни так же был проклеен тканью с изображениями святых. Ее пытались снести, после чего часовенная утварь и иконы были разобраны местными жителями. Сейчас внутри часовни остались только резные деревянные носилки, на которые ставили покойника, и небольшой точеный подсвечник. «— *А вот часовенка у вас была своя?* — Да-а-а-а... [Соб. 2 — Она и так целá там стоит.] Она и сейчас... Вот когда коммунисты-то были, [Соб. 2 — Тока она уже там разрушена.] — Вот, придумали всё снести церковное. Ведь бывало и крест не носи, и всё Боже милостливый... — *Но это всё уже после войны...* — Вот когда... [Соб. 2 — Годов 20, наверно, прошло.]

— Да, да, да. И вот он подпоил мужиков... А было часовенку у нас... В 807 [т.е. в 1907 году. — *Е.П.*], написан, кто строил эту часовню? [Соб. 2 — Я думаю в 5-м, да там, наверно, видать сейчас.] — Не, думаю, доски обломавши. [Соб. 2 — Так не на досках было написано.] — Не, вот так было, доска стояла, и это, под крышей было. „Деревня Гремок строил“ вот в этую. Раньше вот эту часовню построил и люди вот, наши мамы, меняли картошку и зерно и всё, чтобы купить иконку, и туда поставить иконку. Там был така красота! Вот в два ряда, а где поменьше и в три. Стены были вси в иконах, от полу до потолка. И купол был, и была поставлена така как плащаница, ну как кровать, с ножкам, всё точеные, выносить покойника. И подсвешник. Всё было придуман-то не нашим дурацким головам! А всё у людей-то у хороших, и сделан-то всё из дерева, и всё обточено, и всё выточено, и всё красота! Умрет покойник, не надо дома, что се́мьи, а вынес в этую, зажог свечечки и посидел, надо — пошел домой спать, закрыл. А здесь... Тоже коммунисты, захотел разрушить эту часовню, купил вина

Фото 7. Часовня в д. Софиевка (Высочка). Современный вид

Фото 7а. Часовня в д. Софиевка (Высочка). Современный вид

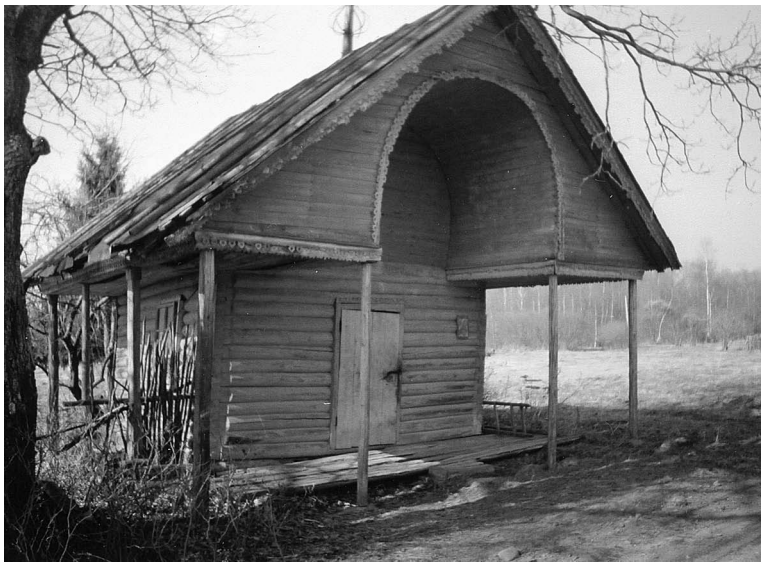


Фото 8. Часовня в д. Малахово. Начало XX в. Современный вид

мужикам-трактористам, ну и, мол, часа в 4, пока народ заснувши — то ведь не дали б старые люди — трактора́м её зацепить и растащить, развалить. Нихто не слышал, как её подцапали и что трактора были, но с места-то её не тронули! Тронуть — тронули, но вот впёрся в угол часовенка, и всё! И ни с места! Ну, погнали коров, а здесь уже наехадши было не только что наши старые, а было молодежь, пожанивши, и вот иконки-то все и разобрали. По домам. У кого и не было, а вси набралися Бог знает каким хорошим иконам. Вот. А часовенка — вот пройдешь, так и стоит. — *А праздник в ней не отмечали, то есть в неё только покойников ставили?* — Да, покойников ставили, когда если захотел, раньше были батюшки-то, привозили, он здесь служил службу. — *А вот если засуха, например, была, не ходили в часовню?* — Мама говорила, раньше приводили батюшку, приводили, если засуха, чтобы... И говорит — вот, откуда не возьмись, ветер задуе, задует, понагонит, дожж пройдет». Рассказывали про чудо, совершившееся в этой часовне: «Во, сынок, было виденье в этой часовне. А вот где белое проклеено, такое картиночка, а там опять, вот как типа в церквы. А там опять верх был весь такой красивый. И вот здесь стояла боженька. Вот здесь была. А боженьки все с веночкам, и было сильная гроза, гроза вскочила в этая, в окно, в этую, в боженьку влетела, упалила весь венок, и опять вылетела. Сгорел только венок, а так всё осталоси» [ПЗА 2004: д. Софиевка (Высочка)].

Часовня в д. Малахово (фото 8) представляет собой несколько иную архитектурную традицию, характерную для северного

берега р. Шелонь (по воспоминаниям, похожая часовня стояла в д. Жильско). Размеры часовни сравнимы с размерами избы, однако ее функционирование ничем не отличалось от часовен в деревнях, расположенных южнее: «Так это у нас часовенка покойников ло́жить... — *То есть там батюшка не святил?* — Святил! Это часовенка старинна, даже в войну не сгорела... Ой, она уже давняя, ей уже наверно годов сто, больше. Вообще она давнешняя. Да и у нас иной раз кто побогаче маленько, так кто и умрет, так батюшку с Молочково привезут, и он отпевает тут. В часовенке так вот он святил. Вот одно время дожжа не было, вот, привезли батюшку, так вот, какие там молитвы он читал? и правда, затучило, затучило, и вдруг откуда-то маленький дождь прилетел» [ПЗА 2006: д. Малахово].

На фронтоне часовни был холст: «У нас где крыша-то, вот так идет оболонь, тут было написано... от Бога написато было „Слава во веки веков, аминь“. Там како-то полотно было, так его не то уже оторвали, не то... Или может, краска, так она уже выгорела... А там полотно было вот такое полукруглое, и там Бога были нарисованы. — *А кто нарисован был, не помните?* — Не знаю, там нарисовано, мне кажется, что... и, по-моему, Иисус Христос, или же нарисована Мария, мать его. Да там и не одно, там порядно этих... святых-то нарисовано».

Часовня в д. Малахово в значительной степени сохранила свой интерьер, что позволяет составить впечатление о традиционном наборе часовенной утвари в деревнях нижнего течения р. Шелонь. Всю восточную стену часовни занимает полка, на которой расставлены иконы: среди них — Спас Нерукотворный, Спас Вседержитель, Пантелеймон целитель, несколько икон Богородицы (тип «Умиление») и особо чтимая икона «Барановской пятницы» (икона Параскевы Пятницы, перенесенная из разрушающейся часовни в д. Бараново), которая установлена в композиционном центре восточной стены. Слева от входа находится «плащаница» — столик, на котором уложена доска с изображением Христа во гробе (1.5×1 м), укрытая кружевной пеленой. Посреди часовни, ближе к восточной стене, стоит небольшой столик, также покрытый скатертью, на котором лежат крашеные яйца и конфеты. Все иконы украшены вышитыми полотенцами, полотенца и бумажные венки повешены на вбитых в стену гвоздях. Одной из достопримечательностей часовни является крест, перенесенный из часовни над родником в д. Бараново с надписью церковнославянским шрифтом: «На сем месте находился престол во имя Святаго Благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго освященный в 1860 [стерто] 13 дн[я] [ф]евраля 1913 года». Престол во имя Александра Невского существовал в Георгиевской церкви во Вшелях [ИСС 1884: 438–439] (деревни Бараново и Ма-

лахово относились ко Вшельскому приходу), и крест, по всей видимости, был поставлен на место престола после того, как церковь была разобрана. В свое время крест был окрашен голубой краской (отметим, что этот цвет преобладает в цветовой гамме крестов, установленных на месте разрушенных часовен). Отсутствующая в часовне существенная деталь — похоронные носилки, зафиксированные в других часовнях (дд. Софиевка, Бараново), не сохранились.

Итак, часовни были задействованы в церковных службах (молебны в престольные и заветные праздники), в отправлении треб (службы в засуху) и похоронной обрядности. Описание внешнего вида часовен и обрядовых действий, сконцентрированных вокруг них, позволяет сделать вывод о том, что деревенские часовни этого региона по оформлению интерьера и функциям первоначально были максимально приближены к храмам и являлись их своеобразной копией в той степени, в какой этого требовал религиозный обиход и позволяли церковные правила.

С некоторой долей осторожности можно предположить, что подобная специфика функций часовен в начале XX в. была присуща большинству часовен Старорусского уезда Новгородской губернии, примыкающего с юга к исследованным территориям. В этом уезде, согласно предварительному картографированию[1], на начало XX в. наблюдается наибольшая плотность распространения часовен на северо-западе: их насчитывалось не менее 565. Юго-западная граница плотного распространения часовен проходит по линии Дубровно (Порховский у. Псковской губ.) — Морино — Соловьево — Белебелка — Поддорье — Селеево, после чего граница часовенной застройки резко уходит на северо-восток, к Демянску. Сохранились следующее описание этих часовен: «Это — почти квадратное, довольно обширное здание, обитое и покрытое деревом. Верх его увенчан небольшим куполом с крестом. На фронтоне помещены священные изображения, обыкновенно — иконы праздника данного селения, которые защищаются от атмосферного влияния стеклянною рамою. При входе внутрь часовни вы увидите подобие иконостаса с лампадами перед ним, стол и большой подсвечник в виде паникадила. Особенность старорусских часовен та, что каждая из них хранит священническое облачение и имеет небольшой колокол. В Порховском уезде часовня еще имеет своего „часовенного старосту“, который продает свечи богомольцам» [Ладинский 1911: 43]. Правда, функции старо-

[1] Ознакомиться с материалами предварительного картографирования часовен Северо-Запада России можно в Интернете по адресу <www.countrysite.spb.ru/Maps/Maps.htm>.

русских часовен были еще более приближены к церковным: в них служили зимой, когда трудно было добраться до приходской церкви, в часовнях совершалось водосвятие (в деревнях Солецкого участка — только в церквях или на родниках), в них оставляли на определенный срок покойника, как и в часовнях деревень по р. Шелонь.

Почитаемые родники, расположенные около деревень, составляют третье звено сакральной сети микрорегиона. Часовни над родниками отмечены только при церквях (за исключением одного случая — д. Боровня); у деревенских почитаемых родников возводился сруб, иногда с крестом около него.

Одним из наиболее известных родников был почитаемый источник в д. Куклино; возникновение его почитания относят к концу XIX — началу XX в. «Источник находится в полуторадвух км от дер. Куклино... в лесу, на болотине. Энергично бьющий источник окружен низким срубом; ни креста, ни часовни над ним нет <...>.

Почитание источника целебным началось лет 30–35 назад, после того, как был распущен слух о том, что какая-то проходящая женщина, испив его водички и умывшись в нем, исцелилась от какой-то болезни. После этого к ключику потянулись женщины, хворавшие женскими, накожными и глазными болезнями, и понесли к нему больных детей <...>. Известность его не особенно широкая, но в ближайших деревнях (Куклино, Нивки) почитание его бытует» [ИИМК ф. 2, оп. 2, д. 1738: 5]. Почитание этого источника со временем усиливалось — в 1940–60-х гг. источник пользовался большой популярностью среди местных жителей.

«А вот знаити што, вот там вот была часовенка в Куклино... Вы не были в Куклине? Вот там была. Бывало, даже вот говорили, што уже я-то помню, что такой был там бор, бор, а в этом бору был ключок. Там вроде как кто-то привижался. Вот придешь туда, туда придут, примерно, один чоловек, — вот у меня была невестка — Я, говорит, не знаю, куда идти, не знаю, где мне найти мне часовню. Выходит, говорит, с этого, человек, говорит, женщина, говорит, вся в черном, ну вот, говорит — Что вы тут ходите? — Да вот, я хотела часовенку найти... — Следуй за мной! — Подвела, говорит, меня, на ключок, я наклонилась, быстро оглянулась — уже её нет.

— Такой ключок-та был заветный, это называлось Боголюбска, вот и в деревне праздник был Боголюбска, и ходили на этот ключок... — *Над этим родничком не было какой-нибудь часовенки?* — Там было, там и служили кажный раз, а потом розрыли там и даже, бывало, говорят, пойдешь... Пойдут — как будто там рыбина — думают поймать — как тока затихнет, как уй-

дут — опять бродит по воды... Ну в часовенку мы самы ходили, как только знаем, что Боголюбска, значит, там служба будет, батюшку приводили и вот так вот. — *А в эту часовенку ходили только по праздникам?* — Ну а кто как хочит, захочут, примерно, помыться оттуда водичкой, это как святой называли, пойдут, помоются. Вот так вот» [ПЗА 2002: д. Городок].

«А у нас был такой колодец. Был. Вот, в Куклино, вот деревня, за нашей, там праздновали Боголюбской Божей матери, и вот в этот день собирались вот на этом ключке, называли ключок, и там вот бор... Вы не ходили в Боровню, нет? Вот там лесок такой, там сейчас кладбищо, и там были такая низинка, там росли березки, и там был такой сделан колодец, срубик такой, и там всю дорогу вот вода, как кипит, оттуда с низá. Вот эта, там земля черноземная, и вот там эты палочки все промыты, и вот она так кипит, кипит, а рядóм такой ручей тожа, протекал. Ну и туда вот собирались в этот день... — *А около него был какой-нибудь крестик?..* — Крестик был, там был крестик, не большой, просто сделан был крестик деревянный. — *А иконка была?* — Конечно, слов нет, чтобы не было иконки, была. — *Говорят, там пугало...* — А между прочим, вроде бы да. Теперь уже не вспомнить» [ПЗА 2002а: д. Городок]

«*А что у вас там за ключёк-то был?* — А ключёк, там знаешь, там торфяное место, там чего-то я и не могу тебе рассказать... Зарыли его. Сначала женщины постарше даже меня ходили, там делали мосток, да и где ровик, рыли землю оттудова и справляли, а потом трактором, скотина пошла да и... всё и заросло. — *А там у ключка может был какой-нибудь обруб сделан?* — Был крест сначала, и было и как говоря, этот, обруб сделано. Это очень давно... — *А вот на ключёк когда ходили, там вешали, может, полотенца?..* — Да, вешали. На Паске даже яица опускали, деньги, если мелочь, кидали. Ещё после как розрывали, говоря, искали денег, да не нашли» [ПЗА 2004: д. Куклино].

Другой родник находится в д. Вязищи и пользуется почитанием до настоящего времени. Источник называется Макавей: «Вон на родничок ко мне ходя, вот так вон в окно-то видишь, вот оно, там, за изгородой, бывало, идут бабки-та, <...> я думаю — чего всё бабки здесь, я даже не знала, что и колодец. Он был весь вот так, как дед говорит, заплывша, а потом сказали, говорят, там колодец святой, там раньше молебенку, значит, служили, собиралса поп и значит, служил, и вси бабки, ретновские и наши, и наши вот при мне всё ходили. Тётя Зина: „Доченька, а чего ты не носишь воду?“ Ну же и вода! Летом-то вот холодная и холодная, а зимой — никогда [не замерзает]» [ПЗА 2004: д. Вязище]. Сообщение о том, что в этом роднике нашли «икону Макавея», продолжает традиционное для этих

Фото 9. Часовня в д. Бараново над почитаемым родником. Начало XX в. Современный вид

мест почитание родника, которое начиналось в результате явления иконы.

Деревенские родники с часовнями зафиксированы в д. Бараново и Боровня (точнее, между д. Боровня и Болото).

Часовня в д. Бараново (фото 9) своими архитектурными формами напоминает малаховскую часовню; более полно сохранились резные элементы оформления (наличники, карнизы). Внутри часовня совершенно разорена: из первоначального убранства сохранился деревянный крест на восточной стене, окрашенный синей краской, доски от икон с утраченным изображением (с обратной стороны карандашные надписи — Моисей и Давид), аналой, разломанные носилки для выноса покойника и кружка для сбора пожертвований. На стене и на полу часовни многочисленные фрагменты заветных полотенец, украшавших некогда интерьер часовни.

«Знаеш что, родничёк не у нас, а в Баранове, там сейчас не почитают, там никого нету, там часовенка, уже не знаю что, крыша там стоит вот так наклонивши, вот там родничёк, у нас то нету. — *Там родничок святой считался?* — Да. Мы, бывало, пойдем... А у них тоже пятница, только у нас Ильинской, а у них после Троицы тут сразу, в июне, значит, пятницы [так называемая „Варламинская пятница“. — *Е.П.*]. Так вот мы пойдем туда бывало, и всё там почёрнем ведёрочком маленьким, и бутылочки помоемся... Там и святая вода и была, и была всё время. Там и колодец сделано, обрубец маленький, там хорошо» [ПЗА 2006: д. Малахово].

«Часовенка было, там был сруб, охрой покрашено, так красиво, она как теремок. Счас же она ушла в болото. Колодец был и крест похоронен, крест серебряный опущен. Это в родник, чтобы она была не просто родник, а как святая вода, серебряная» [ПЗА 2006: д. Жильско].

Возможно, возведение этой часовни относится ко второму этапу почитания родника, который начался с переносом церкви в д. Бараново, так как деревенские родники отмечены только срубом-колодцем и крестом.

Родник в Боровне назывался «Иванов ру́чай» в честь местного праздника, во время которого проходил водосвятный молебен. «*Говорят, у вас был какой-то Иванов ру́чай...* — Это туда вот, к Болоту. Там тоже бы́ла часовня. Там был ключёк тожа, тожа. Между Боровни и Болота. И там были дворы, были овцы. Так и есть водичка — тыя место. Она чистая, как зеркало. Там часовня была. А там [в Куклино. — *Е.П.*] крестик был толька, а там часовня. — *А туда батюшка ходил служить?* — Ходили. В Иванов день. Вот у нас у часовни туда ходили, служили там, ходили» [ПЗА 2006: д. Боровня].

Непременным атрибутом почитаемого родника был находившийся рядом с ним крест — даже в часовнях над родником крест играл определяющую роль в интерьере и помещался в центр восточной стены постройки. О сохранении этой традиции свидетельствует недавно построенная часовня в с. Илемно, в интерьере которой также присутствует крест.

Есть основания полагать, что почитаемый родник находился у д. Строкино и в д. Кутузовский Лютец на северном берегу р. Шелонь. На возможное почитание источника у д. Строкино указывает обломок лампадки кон. XIX — нач. XX вв., найденный в русле родника. Само русло обустроено деревянным стоком, выдолбленным из половины бревна. Предположение о роднике в д. Кутузовский Лютец основано на картографическом материале: в 1930-х гг. в деревне отмечено две часовни, что является обычным для деревень восточной части Новгородской и Ленинградской областей, но исключительным случаем для деревень западной части. При этом одна из часовен расположена традиционно — при въезде в деревню, а вторая отмечена на самом берегу реки. Две часовни в поселении западной части Новгородской области зафиксированы только для деревень, в которых находились почитаемые родники[1], что заставляет предположить его наличие в д. Кутузовский Лютец.

[1] Дд. Ожогин Волочек, Подберезье Батецкого р-на Новгородской обл. и др.

Всего в исследованных поселениях зафиксировано десять почитаемых родников, учитывая те, что находятся при приходских церквях. Однако существуют свидетельства, указывающие на общее религиозное отношение к водным источникам. Во время опросов при разговоре о родниках высказывалось общее утверждение, что текучая вода — она вся «святая», вне зависимости от того, пользуется родник почитанием или нет, стоит около него часовенка или он протекает в овраге за деревней.

Знали также о почитаемых родниках отдаленных, и та или иная церковь зачастую ассоциировалась с этой святыней. Уверенно рассказывается о родниках при церквях других приходов: «Был далече тудыка, далече к Берещине[1] тудыка, был родник. Тудыка ходили... моя сестра ходила, мама ходила, на тот родник. Это Немены там, за Немены где-то... — *Не в Опоках случайно?* — Не! В Опоках это Варваре́й Великомученицы мы ходили в церкву. Там Варваре́й Великомученицы праздник, Никола, Варваре́я, Шавы, это вот... Мы ходили пешо́м в Опоки, я давно там не была... Мы при немцах ходили. Да, там ключёк, тоже ключёк, но какой там, как это — не знаю» [ПЗА 2006а: д. Ситня].

Другой родник, как и «водобег» в с. Молочково, пользовался широкой известностью и привлекал паломников из отдаленных деревень. «Вот в Сольцы, вот за Сольцой там, правда, там есть, эта, часовенка, уже нет — а это было, и часовенка стояла на воды. И всё это речка-то вот такая, как речоночка, туды народу наежжало каждый год. И водичка туды в реку плы́ла... Вот в Иван, перед Петром, и в Иван, вот за Сольцу — там Муссцы и Ёгольник, там за Сольцой, вот там и часовенка стояла, и вот к этой часовенки та и ездил народ-та. И мы ездили, бывало дедушка запрягё коня, а я жила с дедушкой и с бабушкой, и поедем туды» [ПЗА 2002: д. Петровщина]. Каменная часовня над Егольницким святым источником была построена в кон. XIX — нач. XX в. на месте старой, также каменой часовни, возведение которой приписывалось Ивану Грозному. «О причинах начала почитания Егольницкого источника существует легенда, что в незапамятные времена на нем явилась икона Ивана Крестителя и с тех пор он сделался целебным. Икона эта находится в ц[еркви] с. Свинорд. <...> Явление иконы произошло по легенде еще до Ивана Грозного, т.к. в ней фигурирует и он при следующих обстоятельствах. После разгрома Новгорода, по дороге в Псков, у Грозного в Медведе разболелись глаза. Местные жители посоветовали ему помыть глаза водою Егольницкого источника, который лежал на его пути в Псков.

[1] Не локализовано; вероятно, имеется в виду село Березы на Шелони — центр бывшего Березского погоста.

Когда Грозный умылся над источником, глаза поправились, и он велел выстроить на свой счет каменную часовню над источником.

В день явления иконы (в Иванов день 24 июня) из Свинорда ежегодно приходил крестный ход, в котором участвовала и явленная икона. Служили молебен с водосвятием, кропили святою водою людей и скот. Икона оставалась в часовне весь день — перед нею служили заказные молебны об исцелении от всевозможных болящих, которые собирались из ближайших деревень. Страдающие глазными болезнями мыли глаза водою из источника, больные наружными и нутряными болезнями купались в купальне. Многие оставляли в жертву источнику белье, в котором купались» [ИИМК ф 2., оп. 2, д. 1738: 1–2]. Среди икон, находившихся в часовне, упомянуты иконы Иоанна Предтечи с житием в клеймах, Крещения, Живоносного источника, Иоанна и Иакова Менюшских, икона св. Николая.

Объяснение возникновения почитания родника вследствие явившейся около него иконы достаточно широко распространено в культуре деревень нижнего и среднего течения реки Шелонь, о чем свидетельствуют работы экспедиции кафедры этнографии и антропологии СПбГУ в округе села Дубровно (Порховский район Псковской обл.). «Невдалеке от деревни расположен священный источник. <...> Раньше рядом с ним [над ним. — *Е.П.*] стояла деревянная часовенка. Позже, когда часовенка исчезла, на дереве, стоящем над источником, была помещена иконка. Паломничество к источнику происходило на Ильин день и на Троицу. Источник представляет собою ручей в лесу, который в одном месте слегка расширен и огорожен досками. Священным он стал из-за того, что там явилась Богородица» [СПбГУ Пискулин А.А. 1995: л. 6–13]. «Родник Параскевы-Пятницы. Говорят, что „Пятница-матушка“ сидела там на камне и „расчесывалась“ — чесала волосы» [СПбГУ Пискулин А.А. 1995: л. 13] «[От] Хохловых Горок в Дубровно шла Пятница Богородица (Параскева); она отдыхала на месте, где возник Ильинский ключок» [СПбГУ Копонев В.В. 1995: л. 15–16; СПбГУ Калюта А.В. 1995: л. 20–21]. Интересный мотив расчесывания волос в применении к синкретическому образу Пятницы-Богородицы сближает этот женский персонаж с русалками и Троицким кругом народных представлений (русальной неделей) о водных источниках и их мифологических обитателях. Почитаемый источник отмечен и в с. Хохловы Горки; а также у д. Теребушино Козьмодемьянский источник с часовней над ним.

Только для двух родников (с. Молочково и д. Егольник) отмечено паломничество из отдаленных деревень; остальные род-

ники пользовались почитанием в пределах двух-трех поселений, и за границами очерченной территории, как правило, не упоминаются.

Изученная местность до проведения в этих краях мелиорационных работ изобиловала крупными валунами, однако сведений о почитаемых камнях получено не было, хотя отдельные упоминания о них встречаются в архивных источниках. Это уже упоминавшийся камень-следовик на берегу р. Шелонь около источника у Шкнятинской церкви и камень с изображением креста у церкви в с. Велебицы [ИИМК ф. 2., оп. 1931, д. 878: 52 об.]. С некоторыми камнями связаны рассказы о привидениях или чертях, которые заводили на большие камни пьяных, после чего те погибали. «*А были у Вас места около деревни, где „пугало“?* — Я в Клине не знаю, а у нас в Песках коло большой дороги большунный камень, такой огромаднейший камень, уму не постижимо. Мимо его всё боялись ходить, там вот чудилось. — *А что чудилось?* — А такие выходили мужики страшные, кого-то вяли́, многие говорили, что чудилось, боялися мимо камня того идти. Такой огромаднейший камень, може, с сарай» [ПЗА 2002: д. Клин].

«*Не было ли мест, где „пугало“?* — А говорили, что здесь вот, к Шолонску, раньше всё говорили что это, в обшем... Одного мужчину как будто бы его... Да был наверно, пьяный! Не знаю. Как будто бы его... там был где-то большой камень, мол, он разделся на этом камне, как будто домой пришел...» [ПЗА 2002: д. Б. Липицы].

«*А были у деревни какие-то места, где могло привидеться что-то?* — Говорят, что есть. Пугает, а мне не приходилоси, Господь миловал. А росказывали што — вот это один раз, вот с Липиц идёш до нас, тропочка было, дак говорили, шты встретились... Всё клал — ляжись, ляжись, спи, ляжись на камне, спи. А потом прошло. Как он — ня знаю. Всё говоря, надо матом ругаться... — *Или перекреститься просто.* — Перекреститься не, а матом. Ня знаю, мне не приходилось» [ПЗА 2002: д. Петровщина].

«*Может быть, были места около деревни, где „пугало“?* — Были, были, такое говорили, обязательно говорили. Только я чего-то не верила никогда, не знаю... Ну там вот какой-то камень большой, вот доведет человека, мол, на камне обязательно умрет. А я всё думаю, что это просто пьяные...» [ПЗА 2002: д. Никольское].

Другой текст, относящийся к деревне в современной Псковской области, повествует о менее печальных последствиях после общения с привидением: «Вот в Горушке, в Горушке есть

одно место. Я сам из Горушки. Так вот там рассказывали: там за деревней пройти, ну буквально, вот как до последнего дома, там мосток, значит. И вот один там дядька... И чего он? Я не знаю... То ли отдохнуть, и вдруг на лошади подъезжает, значит: „О, куда?“ — „Да вот я в деревню“ — „Ну, так давай я подвезу“, ему, значит. Ну, он и сел, и вдруг — до деревни-то буквально рядом, а они едут-едут. А он вспомнил „О, Господи!“ — и очутился где-то на етим — то же самое, сидит на камне, и не поймет, где» [ПЗА 2002: д. Петровщина].

Рассказы о «страшных» камнях, около которых можно встретиться с чертом или привидением, вредящим людям, зафиксированы на широкой территории: как на Северо-Западе России, так и в Белоруссии и за пределами обитания восточных славян — в Прибалтике и Западной Европе [Панченко 1998; Шорин 1998; Рыжакова 2000; Ляукоу 2000; Иванова-Бучатская 2004]. В настоящее время трудно определить истоки этих поверий; материалы, относящиеся к почитаемым камням на северо-западе, указывают на преимущественно положительное восприятие таких объектов, что связано с общей восточно-христианской традицией почитания камней-реликвий, распространенной на православном востоке и в России. Негативное восприятие крупных валунов гораздо более характерно для Западной Европы и Прибалтики (так называемые «чертовы камни»). Возможно, этот фольклорный мотив является одним из конкретных воплощений общеславянских представлений о связи камней со смертью и, шире, потусторонним миром. В некоторых случаях такие камни отмечены рядом с жальниками (д. Софиевка; д. Сельцо — аналогичный текст о том, как «пугает» у жальника), что позволяет идентифицировать рассказы о «привидениях» как былички о встречах с демонологизированными мертвецами [Виноградова 2000: 70]. Это предположение подтверждают тексты, близкие по смыслу приведенным выдержкам, однако относящиеся к местам деревенских часовен: «И вот мост переходите, ру́чей там, ну вот, вот в этом всё пугае. Привидилися. — *А что там пугает такое?* — А примудрения всякие видятса. Идешь-идешь, и человек, ну разные привидения, я уже и забыла. Да, пугались раньше, пугались. Ну, плохо не делали, ну и боялись их. Видим, что идут на нас, и мы бежать! Привидение было како-то. Я не знаю, как оно называтса, бесьи их мучали, или что? Не знаю» [ПЗА 2004: д. Вязище].

Другой постоянно встречающийся сюжет относится к легендам о «литовском разорении» — рассказ о переносе стоявшей в деревне или поблизости от поселения церкви в село Велебицы. Местонахождение бывшей церкви привязывается к археологическим объектам (д. Сельцо, Петровщина, Городок) или явля-

ется воспоминанием о действительно существовавшей некогда церкви или престоле (д. Плосково).

«В Велебицах там это, интересное место. Там, значит, церковь перенесли с одного места в другое. Шла война, и вот розобрали церковь и перенесли. Это я точно-то не знаю, но место то видно было» [ПЗА 2002: д. Б. Липицы].

«*Не рассказывали раньше старики про литву?* — Что, литва? Ето я не помню, до меня, вроде вот здесь где-то у нас была церква, и потом ишла литва, это всё сносила, и вот такой был разговор, значит, ишли солдаты, на Новгород, и, значит, на Новгород оны шли, и брали по одной кирпичины, и сейчас там есть церква, за Сольцой, такая, даже с одно́го кирпича. Щас, погоди, скажу как её звать-то... Велебицы! — Она где-то вот стояла, говорили всё тама, вот здесь где-то дажа был звон после ей, это росказывали старые-та, и её снесло в реку, церкву это в реку снесло, а грят ишли армия и вот по коренной кирпичинке несли, и там сложили церкву, вот она там и сейчас есть, Велебицы называется эта церква» [ПЗА 2002: д. Городок].

«*У вас про „литовскую войну“ не рассказывали?* — Вот раньше говорили, что вот в Петровшыны тоже была церковь, на берегу, вот здесь, это... реки, это нам рассказывали двоюродные сестры. Там, говорят, вот у нас здесь была церковь, эта... И вот ещё где-то в Шнитино, где-то около Замостья, там тоже говорят, эта, бы́ла церковь, и мол это — в обшем, какое-то войско, я точно и не помню, вот мол по кирпичу перенесли куда-то церкву́, в другое место. — *А её перенесли, и опять поставили?* — Да. Вот а в какое место, я не помню. А это вот было» [ПЗА 2002: д. Б. Липицы].

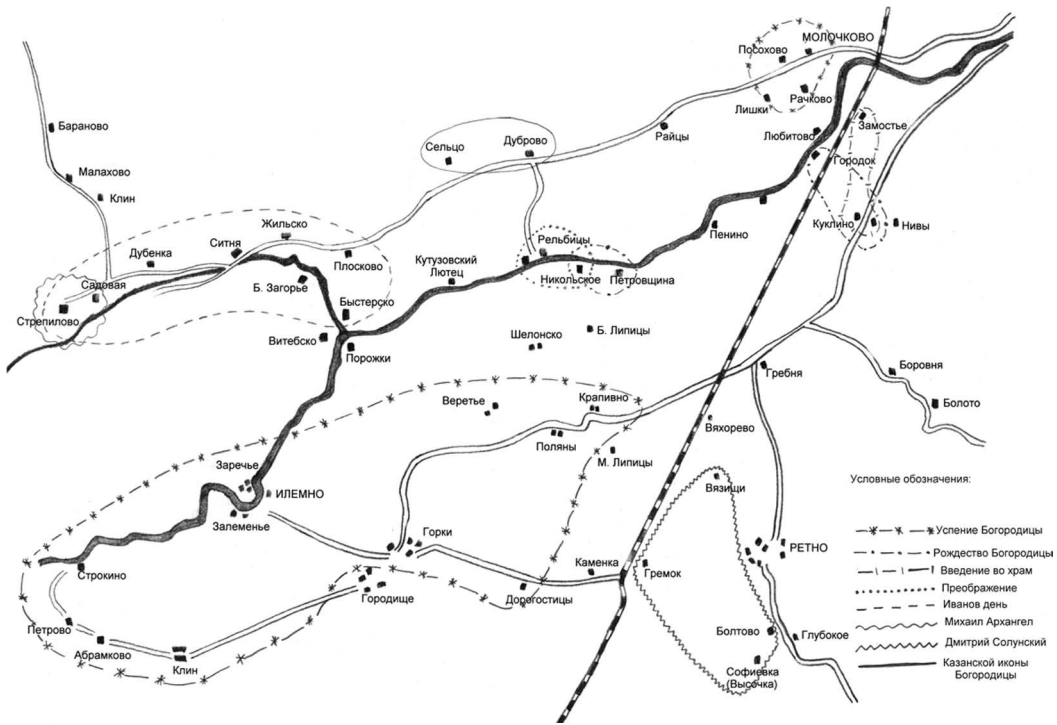
«Вот где хранилищо, ну это даже моя мама не помнит, даже моей мамы дед не помнит, вот там где хранилищо, там была когда-то церковь. Там же было горка [жальник. — *Е.П.*], а эту горку всю разобрали, всё дороги чинили раньше. Но это было, как мама рассказывала, кака-то литва шла. Какая была война — литва шла. И вот эты все по кирпичины собрали, всю церковь, и перенесли, куда — не помню. — *Не говорили, куда?* — Нет, дак это, не помню. Эти ищо мамин дедушка росказывал, что было здесь церковь, и эту церковь пошла... какая там литва, Бох его знает» [ПЗА 2006: д. Сельцо].

В этом сюжете, типологически близком к распространенному на Северо-Западе сюжету о провалившейся церкви, опущен важный элемент: церковь была перенесена и поставлена на новое место, в связи с чем нельзя говорить о полной утрате сакрального сооружения, что характерно для легенд о провалившейся церкви на жальниках восточных районов Новгородской

области [Панченко, Петров 1997; Панченко 1998а]. Рассказ скорее является объяснением наличия жальника или захоронений рядом с конкретной деревней — жальник идентифицируется как бывшее место погоста — кладбище, на котором некогда обязательно должна была существовать церковь. В этом регионе отсутствует традиция возводить на жальниках часовни (известна только одна часовня на жальнике в д. Петровщина), что характерно для восточных районов Новгородской области. Жальники уже не считаются могилами «своих» предков, однако не воспринимаются как места чужих захоронений, места обитания нечистых или заложных покойников. Церковь в с. Велебицы, к которой относится эта легенда, была построена в начале XX в. (разрешение на постройку было получено 24.10.1901, после отклонения предложения о расширении древнего храма XV в. [ИИМК ф. 1., оп. 1901, д. 52]), что указывает на позднее, почти современное информантам происхождение легенды.

Текст из д. Плосково про церковь в с. Ситня, по-видимому, отражает определенные исторические факты: «Я тоже не помню, а как говорили: вот здесь была где-то церковь, и они... кирпичная была... разобрали по кирпичику, и перенесли в Велебицы, построили в Велебицах. — *Это с „литвой“ связывают?* — Да, вот это с литвой, литва тут проходила» [ПЗА 2006: д. Плосково]. Здесь важно то, что церковь в Велебицах посвящена апостолу Иоанну Богослову, а праздник Ивана (правда, летний, 24.06/07.07) является общим праздником для большого количества деревень около с. Ситня (см. карту 2), охватывая значительную область, практически совпадающую с областью прихода ситненской церкви. Последняя церковь в Ситне, как уже упоминалось, была освящена во имя Александра Невского, но этот праздник отмечался только в самом селе — за его пределами он не зафиксирован ни в одном поселении. Широкое распространение празднования Ивана позволяет предположить существование в конце XVII–XVIII в. в округе престола с таким посвящением.

Следует отметить, что легенды о переносе церкви встречаются и в других деревнях Пошелонья. Так, про деревянную кладбищенскую церковь XVIII в. в Муссах (бывший Мусецкй погост) говорили, что ее перенесли из Невского (Свинорда — бывший центр Свинорецкого погоста) [ИИМК ф. 35, оп. 1969, д. 47: 44]. Возможно, что перенос деревянных церквей действительно имел место в XIX в. (и даже в XX в., если учесть информацию о церкви в д. Бараново, сруб которой также был перенесен) и может быть связан с начавшимся каменным церковным строительством (церкви погостов Илемно и Ретно, церковь в Свинорде, церковь в с. Вшели), когда с появлением каменного храма деревянный мог переноситься в новое место.



Карта 2. Праздничная система деревень бывшего Илеменского, Ретенского и Скнятинского погостов

Иногда церковь в этом рассказе заменяется часовней: «Говорят вот раньши, это раньши, кака-то литва ишла, а там вот, за деревней, стояла часовинка [часовня на жальнике. — *Е.П.*], и вот эта литва ишла, и все эту часовенку разобрала, а вот где поставила — не знаю» [ПЗА 2002: д. Петровщина]. Изредка повествуется просто о разрушенной «литвой» церкви: *«Может быть, старики рассказывали про то, что была когда-то „литовская война“?* — А нет, это я не помню... это я слышала, у нас тут проходила. Тут вот церковь вот говорили была большая, так — туда [показывает рукой. — *Е.П.*]... Тоже розбили эту церковь, говорили... Там и камень большушший такой был, тут, говорят, клад всё... большой такой... Не, это я не слышала, старики всё говорили» [ПЗА 2002: д. Городище].

Если рассматривать сакральную топографию деревень нижнего течения р. Шелонь на протяжении XX в., можно отметить следующие существенные ее элементы:

1. Кон. XIX — нач. XX в. — церкви, почитаемые родники, часовни.

2. Первая треть — середина XX в. — почитаемые родники, часовни, кресты.

3. Конец XX в. — церкви, почитаемые родники, кресты.

Кресты, несущие в большинстве случаев мемориальное значение, очень слабо задействованы функционально, однако с возрождением религиозной жизни в регионе они могут взять на себя некоторые важные функции часовен (например, проведение у крестов молебнов).

Основным, центральным звеном сложившейся системы были церкви; при графическом выражении взаимных связей между почитаемыми объектами и культовыми постройками актуальна следующая схема:

$$\text{Часовня} \Leftrightarrow \text{Церковь} \Rightarrow \text{Родник}$$

Двусторонняя связь, существующая между церквями и часовнями, обусловлена похоронным обрядом и проведением молебнов в престольные и заветные праздники, связь между церквями и родниками обусловлена проведением молебнов и освящением воды в источнике.

Специфика сакральной топографии ярче всего проявляется в ее коммуникативном аспекте, исследованном Т.Б. Щепанской на материалах региона Русского Севера [Щепанская 1995]. Существование и функционирование сакральной сети направлены на поддержание (восстановление) благоприятного для местного населения состояния мира, окружающего пространства.

Очевидно, выделяются два основных акцента в функционировании деревенских святынь в деревнях нижнего Пошелонья — упорядочение отношений с миром мертвых (часовни) и освящение (а освящение подразумевает восстановление в первозданном, неискаженном виде) окружающего пространства (святая вода, служба у часовен и почитаемые родники). Узловым элементом системы являлась церковь, в сферу деятельности которой были полностью вовлечены почитаемые объекты сельской округи. В немалой степени это объясняется хорошими путями сообщения и большим количеством храмов и монастырей (см. ниже), располагавшихся на исследованной территории.

Несмотря на центральное положение храмов в этой схеме, их закрытие менее повлияло на традиционный уклад, чем исчезновение часовен. Часовни продолжали функционировать в похоронных обрядах, а отсутствие освященной воды компенсировалось наличием почитаемых родников, вода в которых даже без регулярного освящения продолжала считаться местным населением святой и пригодной для использования в религиозных целях. С разрушением часовен существенно изменился начальный этап похоронного обряда (прощание с покойным), а также исчезло место общих собраний для проведения праздничных молебнов, в связи с чем деревенская община лишилась одного из объединяющих факторов (возможно, не самого главного, т.к. светская часть праздника долго еще продолжала иметь место). Общие нерегулярные собрания в часовне для молитвы начали возрождаться лишь в последние годы и инициируются местными жителями, проводящими большую часть года в городах, и дачниками. Отношение старожилов к частной молитве в часовнях при неурожаях или иных бедствиях как правило равнодушное, так как такая молитва считается не очень действенной — «нам-то чего молиться, священник всяко больше молитв знает». Сейчас, когда действует лишь одна церковь (в с. Молочково), а часовни уже не существуют, единственным устойчивым элементом сакральной топографии продолжают оставаться частично сохранившиеся почитаемые родники.

* * *

Для завершения описания сакральной топографии деревень в нижнем течении р. Шелонь необходимо проанализировать систему праздников, существовавших в изученных деревнях Пошелонья (см. карту 2 и таблицу).

В каждой деревне отмечено 2–3 местных праздника, один из которых является престольным и совпадает с посвящением престола приходской церкви (в таблице отмечены жирным шрифтом), другой — заветным (отмечены курсивом).

Таблица

Ситненский приход												
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Ситня							Иван		Александр Невский			
Дубенка							Иван			Покров		
Дуброво							Казанская		Казанская			
Витебско					Никола				Воздвижение Креста	Покров		
Плосково							Иван		Иван		Михаил	
Стрепилово							Иван				Михаил	
							Тихвинская					
Садовая							Иван				Михаил	
Жильско							Иван					
Быстерско							Иван		Иван		Михаил	

Молочковский приход												
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Молочково						Вознесенье		**Успенье**				
Рачково						Вознесенье		**Успенье**				
Посохово						Вознесенье		**Успенье**				
Лишки							Тихвинская	**Успенье**				
Рельбицы							Ильинская пятница	Спас				
Сельцо						Казанская		Казанская				Никола
Райцы							Петр					
Лапотуха						*Дорофей*		Спас				Введение

Илеменский приход												
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Илемно							**Сергий**	**Успенье**		**Сергий**		
Клин						Троица		**Успенье**				
Дорогостицы							Казанская	**Успенье**		**Сергий**		Никола
Петрово								**Успенье**	Рождество Богородицы *Адриан*			
М. Липицы						Троица	*Казанская*			Анастасия		
Б. Липицы						Троица	*Казанская*			Анастасия		
Поляны							*Смоленская*	**Успенье**				Никола
Веретье								**Успенье** *Царь-Град*		Покров		Никола
Заречье							*Кирик*	**Успенье**				
Городище					Никола	Вознесенье		9-я пятница (Варлаама Хутынского) *Антоний Римлянин*				Никола
Строкино							1-е воскр. после Петра и Павла	**Успенье**				
Крапивно								**Успенье**				Никола

Ретненский приход												
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Гребня						Троица	Михаил					
Болтово					*Никола*			Илья			Дмитрий	
Вязищи					**Никола**			*Спас*			Дмитрий	
Софиевка								Ильинская пятница			Дмитрий	
Гремок								Спас			Дмитрий	
Ретно					**Никола**			Ильинская пятница				**Никола**
Приход Шкнятинского погоста												
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Петровщина								*Смоленская*	Рождество Богородицы			Никола
Никольское								Спас	Рождество Богородицы			Никола
Замостье					Никола					Никандр		**Введение во храм**
Куклино					Никола		Боголюбская		Рождество Богородицы			**Введение во храм**
Городок									Рождество Богородицы			Никола

Происхождение части праздников не комментируется, повод для их установления уже забыт, однако исторические источники уверенно позволяют связать часть таких праздников с церквями, существовавшими на территории погостов в XVI–XIX вв. (в таблице выделены подчеркиванием).

Разница между престольным и заветным праздниками объяснялась их масштабами: престольный считался общим религиозным праздником, а заветный частным, установленным по определенному случаю (собеседники, родившиеся в конце 1930–1940 гг., не разделяют праздники на престольные и заветные, смешивая эти названия в разговоре). «*Чем отличается престольный от заветного?* — Престольный это вот божественный... — Церковный это праздник, а заветный — это сам по себе такой праздничек, маленькой. Ну, видишь, градом выбило, вот завятнули, что в этот день работать не будем, были приведен, как я слышала, поп, молебны служили, и с тех пор вот града, града нет» [ПЗА 2002: д. Веретье]. Информация о праздниках в окрестных деревнях и разделении этих праздников на престольные и заветные прочно хранилась в памяти старожилов: «*А вот престольные какие?* — Всё в кругу, всё большие праздники. У нас престольный, у нас в Боровни? Престольный... Рожество у всих, потом, после Рожества... Крещение тоже у всих... Потом, ну Масленица, то же самое, раньше гуляли, три дня гуляли как с четверга и до Великого Посту, три дня. Потом вот Паска начинаетса, Паска Христовая, до Паски ещё Благовещанье, у всех тожа... Великая Троица вот будя, Вознесенье и у нас, у всех тожа. Престольна в Молочкове там церковь, всё праздновали. Это Вознесенья. После Вознесенья Троица тожа у всех, а престольный в Гребни, у нас знаем, что великий день, но там престольна было. Заветные праздники — у нас Иванов день был, а потом Троица. Вот такие. Великой день был, заветный тожа. Раньше болела скотина, ну вот, приезжал священник, коло часовни молебны служили, весь скот с поля пригоняли, было поле, и кропили и священник водой. <...> Иванов день, это у нас. После Ивана — Петру, это вот, где я, в Ниве, на целый день, и Павлу. Это заветный тожа. — В Болоте тожа Петру и Павлу праздновали. — Ильин день, это был в Болтове заветный тожа, Великая Пятница в Ретне было заветная. Вот так. Вязищи тожа была Маковей. Вот. Весь год» [ПЗА 2004: д. Боровня].

С заветными праздниками связан запрет на какие бы то ни было работы по хозяйству, нарушение этого запрета вело к новым бедам: «*Вы говорили, что у вас заветный был праздник, а на что заветали?* — А шо-то... то скотина пала... Заветный праздник — значит в этот день не работаем ничего. То бабки горели в полю от грозы, это в Онтоний было заветнутый — никак не работай! По-

том какой-то ишо праздник заветнули, а потом и говоря — ничо́го, бросили. Бросили — и не посеялись, пошол дош, и дош, и дош, и дош — и остались поля не сеяно. Посеяли весной яровые, так...» [ПЗА 2002: д. Городище].

«Вот один раз, один год, вот этот [председатель колхоза. — *Е.П.*], и вот как раз у нас было эта икона, нашли, не мы, а женщины нашли, Маковей — у нас праздник престольный Маковей, ну, я не знаю, кто тогда икону взял, я не знаю. И вдруг раньше такие... столько народу ходило! У нас така деревня, вот вси вокруг со всех деревень приходят к нам гулять. И он отказался от этого праздника, как отказался: что праздник есть праздник, мы же престольный праздник делаем, печем булок много, столы, готовим, все гости идут. У нас нарду очень многа! И он отказалса. Когда ишли в нашу деревню народ гулять, он всех ворачивает, что не работаем. И вот он вернул. И что Вы думаете он наделал? Да он наделал всем худобы́, запретил праздник. В этот же день у нас в поле колхозныи коровы вси здуваютса, и наши. Вот так. Все издуваютса. И вызвали главврача, и наших врачей вызвали — не могли спасти, столько пропало скота! И после он сказал, что „празднуйте как хотите, но никогда не запречу“. И так и не стал больше запрещать всему народу. У нас только 14 августа этот Маковей» [ПЗА 2004: д. Вязище].

Наиболее устойчивы и распространены престольные праздники тех приходов, посвящения церквей которых не менялось с конца XV до начала XX в. Это территория Илеменского прихода, где праздновали Успенье Богородицы (15.08/28.08). Один праздник Казанской иконы Богородицы (8/21.07), зафиксированный в этом приходе, можно связать с упомянутым перепосвящением деревянной церкви в начале XX в. (д. Дорогостицы, в то время — центр Дорогостицкой волости); в д. Б. и М. Липицах Казанская отмечена как заветный праздник, что не подтверждает его связь с престолом церкви: «Казанская — это был заветный праздник, в обшем, в этот день, не в день, а в ночь, сгорела вся деревня, и вот эти... жители решили в этот день не работать, а ходить в церковь молица. Вот этот был заветный праздник» [ПЗА 2002: д. Б. Липицы]. Этот факт (как и отсутствие в Ситненском приходе престольных праздников Александра Невского) указывает на значительную инерцию народной традиции, которая в течение десятилетий продолжает считать «своими» прежние праздники, не переориентируясь на изменения в престольных праздниках церквей, к которым приписаны деревни.

В приходе бывшего Скнятинского погоста численно преобладает не праздник Введения Богородицы во храм (21.11/4.12), престольный для погостной церкви с XV по XX вв. (этот праз-

дник актуален только для ближайшей д. Замостье), а праздник Николая Чудотворца (как зимний, так и летний), отмеченный во всех деревнях погоста, что связано с существовавшей в XVI в. теплой церковью во имя этого святого, а позже — придела в каменной церкви в его честь. Отмеченный праздник Рождества Богородицы (8.09/21.09), также количественно преобладающий по сравнению с праздником Введения во храм, связан с кратковременным перепосвящением церкви в конце XVII в.: в 1682 г. церковь Шкнятина погоста отмечена как церковь Рождества Богородицы [АЮБ 1857: 597–598], а к середине XVIII в. — снова стала Введенской [РГИА ф. 834, оп. 3, д. 2456: 143–150]. Эти данные позволяют отнести время формирования отмеченной в наши дни праздничной системы приходских деревень погоста с середины XVII по середину XVIII вв.

Значительным разнообразием отличается праздничная система в Молочковском и Ретенском погостах: престольные праздники Успение и Николай отмечены соответственно в трех и двух деревнях каждого погоста (в д. Болтово Ретенского прихода Никола зимний считается заветным). В Ретенском приходе гораздо большее значение придавалось другому празднику — Илье и Ильинской пятнице (общему для Ретно, д. Софиевки и Болтово), а в Молочковском престольные Вознесение и Успение праздновали только в деревнях, непосредственно примыкавших к погосту (д. Рачково, Посохово и Лишки). Сейчас трудно определенно сказать, с каким событием связано празднование Дмитрия осеннего (26.10/8.11), общего для деревень Болтово, Вязищи, Софиевка и Гремок Ретненского погоста. Можно предположить его сугубо частное происхождение, связанное с именем помещика или строителя церкви (материалами об этом мы не располагаем).

Еще один праздник, распространенный в группе прибрежных деревень, может быть связан с некогда существовавшим монастырем: Спас, отмечавшийся в Рельбицах, Никольском и Лапотухе, свидетельствует о находившемся поблизости Спасском Преображенском с Мильца монастыре. Этот монастырь существовал в XVI–XVII вв.; точное местонахождение и судьба его неизвестны, он исчез до середины XVIII в.

Картографирование деревенских праздников указывает на некогда распространенное в этом регионе почитание Варлаама Хутынского, что отразилось в установлении празднования Варлааминской пятницы (9-я пятница по Пасхе или первая после Троицы, преходящий праздник): ее отмечали в группе деревень вокруг центра Илеменского погоста (с. Илемно, д. Городище и Горки, возможно, д. Залеменье и Заречье), а также в д. Бараново. Праздник считался крупным — в д. Горки прихо-

дили гости из достаточно отдаленных деревень (округи с. Ситня); этот праздник именовали Горицкая пятница, что указывает на его локальную привязку к деревне, в которой проходили основные гуляния. Если вспомнить предысторию установления праздника в православной церкви (предсказанный святым выпавший снег, заморозивший червей), можно предположить его первоначальный заветный характер, к настоящему времени стершийся из памяти, так же, как и связь праздника с именем Варлаама Хутынского.

Распространение почитания пятниц (Варлааминская или 9-я пятница, Ильинская пятница; всего отмечено в девяти поселениях как заветный или «гостевой» праздник)[1], а также традиционная связь его с источниками воды (часовня Параскевы Пятницы в с. Илемно, часовня в д. Бараново) указывают на существование в исследованном регионе устойчивых представлений, в целом характерных для общеславянского культа Пятницы как персонифицированного дня недели. В часовне д. Бараново находилась упомянутая выше икона Параскевы Пятницы, называвшаяся «Барановской пятницей», что говорит о большой степени имперсонификации представлений о празднике и о святой (в этом названии слились первоначальный заветный праздник Варлаама Хутынского, день 9-й пятницы, когда он отмечается, и точная локализация места праздника — источник в д. Бараново). Похожая синкретизация праздников отмечена сравнительно недалеко, у бывшего погоста Дубровно в Порховском районе Псковской области: в часовне в честь Параскевы Пятницы, стоявшей на болоте над источником, накануне Ильинской пятницы служилось всенощное бдение, а в саму Ильинскую пятницу совершалось празднество в честь Параскевы Пятницы [ПЕВ № 16 1916: 303]. Для деревень северного берега р. Шелонь (д. Малахово и Бараново) почитание пятницы можно объяснить существованием некогда Пятницкого престола в Никольском храме с. Княжичи (Ситня), отмеченном с конца XVI в. [РГАДА ф. 1209, оп. 1, д. 957: 1338]. Исследователи средневековых посвящений сельских храмов отмечают, что наибольшее распространение пятничных престолов для Новгородских земель относится к периоду после присоединения к Москве (пятничный придел Никольского храма в с. Княжичи (Ситня) тоже может быть причислен к этой группе), что приводит к выводу, что специфичность народного культа св. Параскевы-Пятницы, зафиксированная этнографами, относится к XVI–XVII вв. [Селин 2003: 159–160]. Между

[1] Деревни Малахово, Бараново, Горки, Рельбицы, Клин, Городище, Софиевка (Высочка), с. Ретно и Илемно.

тем общие черты в представлениях о святой и о персонифицированном дне пятницы распространены на очень широкой территории (они известны у восточных и южных славян и в угорском мире [Панченко 1997]). В связи с этим можно говорить о вторичной адаптации синкретического культа святой и дня недели, когда церковь упорядочивает и приближает к канонической норме доступными ей методами сложившийся народный культ святого, который может существенно отличаться от культа святого в церковном институте.

* * *

Сакральная сеть в деревнях верхнего течения р. Шелонь представляет собой четко структурированную систему с выраженными региональными особенностями, к которым относятся: устойчивая традиция формирования комплекса приходского центра (церковь-родник-часовня), явственно очерченные функции деревенских и сельских часовен (приближенные к церковным, а также концентрирующие часть погребальных обрядов), большое количество почитаемых родников при церквях и в деревнях региона с единой традицией оформления почитаемого места (сруб или колодец с крестом, часовня с крестом). Учитывая информацию, происходящую из смежных с исследованными территорий, этот тип сакральной структуры может быть характерен для поселений от устья р. Шелонь[1] до деревень, непосредственно примыкающих к г. Порхову, т.е. для северной части бывшего Старорусского уезда, южной части Новгородского и восточной части Порховского. Данный тип сакральной топографии (с незначительными отличиями) близок типу, зафиксированному в деревнях среднего и верхнего течения р. Луга, что позволяет проецировать его на более широкую территорию, находящуюся в границах Батецкого, Солецкого, Шимского и Новгородского районов Новгородской области, восточной части Порховского района Псковской области и юго-восточной части Лужского района Ленинградской области.

Сакральная система и система деревенских праздников содержат различные хронологические пласты, самые ранние из которых можно отнести к периоду не позднее XV–XVI вв., а наиболее поздние — к началу XX в. (не учитывая деформации сети почитаемых объектов и нововведений — кресты на месте часовен — середины XX в.). Отдельные элементы сакральной

---

[1] Экспедиция кафедры этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004 г. Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность С.А. Штыркову за возможность ознакомиться с материалами экспедиции.

топографии относятся к разным периодам освоения территории и сосуществуют как единое целое в рамках православной традиции. Наиболее ранние – небольшая группа деревенских праздников, почитание родников. Отдельные заветные праздники, имеющие локальные черты, можно возвести к периоду самостоятельности Новгородских земель, поскольку они не характерны для посвящений заветных праздников округи и зафиксированы в единичных случаях: это Адриан (26.08/8.09) в д. Петрово, Дорофей (5/18.06) в д. Лапотуха, Кирик (15/28.07) в д. Заречье. К этой же группе можно причислить упоминавшиеся выше праздники, связанные с почитанием Варлаама Хутынского. Достаточно древними могут быть отмеченные следы пятничных праздников. Такие праздники, как Антоний Римлянин (3/16.08, д. Городище) или Никандр Псковский (24.09/7.10, д. Замостье), хотя и обладают выраженным региональным значением, относятся к периоду не ранее XVII в., поскольку упомянутые святые были канонизированы православной церковью в конце XVI и XVII вв. соответственно. К концу XVII в. можно отнести распространенный в деревнях Шкнятинского погоста бывший престольный праздник Рождества Богородицы. В дальнейшем праздничная система эволюционировала в русле распространения общерусских и московских (в первую очередь Богородичных) праздников. Активно распространялись заветные, а позже и престольные праздники Казанской, Смоленской, Тихвинской и Боголюбской икон Богородицы, престольный праздник Сергия Радонежского (в деревнях Илеменского прихода).

Существование почитаемых родников, по-видимому, также является достаточно ранним явлением. К XVI в. широко распространились многочисленные чины освящения воды[1], которые встречаются практически в каждом рукописном требнике, начиная с XVI в., а с середины XVII в. перешли в печатные требники и уже не исчезали из практики православной церкви. При этом в службе освящения воды 1 (14) августа, одной из самых распространенных, указывалось: «приготоване же и воде в чаше, *или исходим на источники водныя, и пришед на воду, глаголет*» [Минея 1646: 13 об.; курсив мой. — *Е.П.*], т.е. служба у водного источника в случае его наличия была регламентирована церковными правилами. В России служба Честному Крес-

[1] Среди них первое место по распространению занимает «Месяца августа А [1] день, служба освящению воде» (иногда делается приписка «такожде на всяк нов месяц» или «Егда кто хощет по требе кое призывающе», что указывает на более часто проводившееся водоосвящение по этому чину), Молитва над новым кладязем, Молитва над осквернившемся кладязем, Молитва на копание кладезя и обретение воды, Молитва вкратце освятити воду и др. Чин августовского водосвятия оформился в греческой церкви к XI–XII вв., однако не встречается в русских рукописных служебниках до XIV в.; с XIV же столетия быстро распространяется в практике русской церкви.

ту появилась в конце XIV — начале XV в., с введением нового Иерусалимского устава богослужения. Первые чины освящения воды 1 (14) августа известны по рукописным требникам XV в., а в начале XVII в. обычай ходить с крестным ходом на источники был распространен повсеместно. Следует учитывать то, что в XV–XVI вв. на территории Илеменского, Ретенского и Скнятинского погостов находилось гораздо больше храмов, нежели в конце XIX — начале XX вв. Архивные материалы и писцовые книги дают информацию о храмах в восьми населенных пунктах[1] (в XIX в. — в пяти пунктах), при этом три из них — монастыри (Введенский Скнятинского погоста, Успенский на Молочкове, Милецкий Спасский монастырь). На приоритетное значение чина службы освящения воды 1 (14) августа при включении родников в сакральную топографию местности указывает и оформление этих почитаемых мест. В топографии XIX — начала XX вв. традиция водружения креста отмечена только для родников; кресты в интерьере культовых построек отмечены только в часовнях над родниками (с. Илемно, д. Бараново) — деревенские часовни были лишены этого элемента.

Церковный канон, превратившийся в традицию в обиходе сельских жителей, мог закрепиться со сменой населения XVI–XVII вв., так как при исчезновении или незначительном числе носителей локальной культуры приоритетное значение имели уже сформированные общерусские стереотипы в освоении и создании, «обустройстве» культурного ландшафта, а доминирующее положение в духовной жизни — сельские храмы.

В эволюции сакральной системы можно отметить два параллельных процесса: стремление к сохранению местных праздничных традиций (пятничные праздники, культ Варлаама Хутынского), а также традиционных типов деревенских святынь локального уровня и внедрение общерусской (преимущественно московской) праздничной системы с одновременной унификацией обрядовой стороны культа. При этом местные праздники лучше сохранились в сфере заветов, изменение или забвение которых считалось недопустимым в традиционной культуре. Унификация культа является общей тенденцией для многих регионов Российского государства с XVI в. [Макарий (Булгаков) 1996: 25–50; Голубинский 1997: 744–803; Бернштам 1989: 95 и далее] и для новгородских земель в частности. Постоянно возникавшее на протяжении XV–XVII вв. стремление к унификации церковной жизни и культа привело к особой роли центральной (московской) церкви для российских окраин. В

[1] Княжичи, Илемно, Заречье, Село (не локализовано), Ретно, Молочково, Скнятин погост, Милецкий монастырь.

рамках государственного церковного строительства происходило восприятие местными церквями новых, не свойственных им первоначально культов святых, нивелировка местных обычаев и наполнение традиционной духовной культуры новыми акцентами.

Сокращения

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России
ИИМК — Архив Института истории материальной культуры РАН
ИСС — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии
НПК — Новгородские писцовые книги
ПЕВ — Псковские епархиальные ведомости
ПЗА — Полевые записи автора
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
Соб. 2 — второй собеседник
СПбГУ — архив кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
СПБ ИИ — архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
СЭ — Советская этнография

Библиография

Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. СПб., 1857.

Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Списки селений. М., 1914.

Бернштам Т.А. Русская народная культура и народная религия // СЭ. 1989. № 1. С. 91–100.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1997. Т. II. Ч. 1.

Журнал общего годового собрания Псковского Церковно-историко-археологического комитета от 6 декабря 1912 г. за № 6. // ПЕВ. 1913. № 9. С. 116–221.

Иванова-Бучатская Ю.В. Культовые камни Северной Германии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 323–328.

Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. IX.

Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004.

Ладинский М. Деревенские часовни // ПЕВ. 1911. № 6. С. 143–145.

Лебедев Е.Е. Порхов и его окрестности. Исторический очерк. Новгород, 1915.

Ляукоу Э. и др. Культавыя камяні Беларусі // Studia mythologica Slavica. Ljubljana, 2000. III. С. 43–56.

Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. II. Отд. 2.

Минея служебная, август. М., 1646.

Нехристианское повождение праздников в наших деревнях // ПЕВ. № 22, 1895 г. С. 392–396.

Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. IV.

Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т.V.

Панченко А.А. Деревенские святыни Северо-Запада России. Исследования в области народного православия. СПб., 1998.

Панченко А.А. Народное восприятие средневековых погребальных памятников и проблема семантики надгробия // Староладожский сборник. СПб.; Ст. Ладога, 1998а. С. 133–145.

Панченко А.А. Русский культ св. Параскевы Пятницы и почитаемые камни Новгородской земли // Дивинец Староладожский. СПб., 1997. С. 107–119.

Панченко А.А., Петров Н.И. «Жальники» востока Новгородской области в современной сельской культуре // Дивинец Староладожский. СПб., 1997. С. 95–107.

ПЕВ. 1916. № 16. Часть неофициальная. С. 303.

Посещение Архипастырем церквей епархии. Отчет о инспекции храмов Порховского уезда преосвященным Антонином, епископом Псковским // ПЕВ. 1896. № 24. С. 433–441.

Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992.

Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Рыжакова С.И. Спит камушек без снов... // Живая старина. 2000. № 3. С. 13–16.

Рыжова Е.А. Монастырская топография Русского Севера: Антониево-Сийский монастырь // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5.

Селин А.А. Посвящения сельских церквей XVI–XVIII вв. Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Опыт исследования и сравнительный анализ // Уваровские чтения: Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Мурома. Муром, 2003. С. 153–160.

Столяров В.П. Духовно-символическое пространство сакральных комплексов России как объект национального наследия (на примере Соловецкого архипелага) // Ставрографический сборник. Книга первая. М., 2001. С. 113–130.

Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993.

Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867–

1900 гг. Собраны А. Завьяловым. Издание 2-е, дополненное. СПб., 1901.

Шорин М.В. Культовые камни Приильменья // Археологические вести. СПб., 1998. Вып. 5. С. 216–226.

Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север и проблемы локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

Архивные материалы

ИИМК, ф. 1, оп. 1901, д. 52. Дело Императорской Археологической комиссии по представлению Новгородской Духовной консистории о необходимости расширения позднейшей пристройки к древнему Велебицкому храму. 1901 г.

ИИМК, ф. 2., оп. 1931, д. 878. Протоколы заседания группы по изучению истории культов. Протокол № 16 от 3.11.1931.

ИИМК, ф. 35, оп. 7, д. 79. Метрика № 72.

ИИМК, ф. 2, оп. 2, д. 1738. Васильев А. Культовые места Солецкого и Медведского районов Ленинградской области. 1931 г.

ИИМК, ф. 35, оп. 1969, д. 47. Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях отряда Новгородской Архиектурно-Археологической экспедиции ЛОИИ РАН СССР. 1969 г.

ИИМК, ф. 1, оп. 1902, д. 202. Дело Императорской Археологической комиссии о рассмотрении проекта расширения Введенской церкви погоста Шкнятина Порховского уезда Псковской губ. 1902 г.

РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2456. Описи и ведомости упраздненных монастырей Новгородской епархии.

РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 957. Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Шелонской пятины письма Л. Аксакова. 1582 г.

СПБ ИИ, м/ф 305. Дозорная книга Шкнятинского погоста Шелонской пятины дозору П.А. Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611 г.

СПбГУ, Пискулин А.А. 1995 — Полевой дневник А.А. Пискулина. Работы, проведенные в 1995 г. по проекту «Культура и этнос».

СПбГУ, Копонев В.В. 1995 — Полевой дневник В.В. Копонева. Работы, проведенные в 1995 г. по проекту «Культура и этнос».

СПбГУ, Калюта А.В. 1995 — Полевой дневник А.В. Калюты. Работы, проведенные в 1995 г. по проекту «Культура и этнос».

Полевые материалы
(все перечисленные деревни относятся к Солецкому району Новгородской области)

2002. д. Б. Липицы. Алексеева Зинаида Николаевна, 1929 г.р.

2002. д. Веретье. Петрова Зинаида Ивановна, 1935 г.р., урожд. д. Дуброво, Давыдова Лидия Андреевна, 1923 г.р., Кузьмина Антонина Михайловна, 1928 г.р.

2002. д. Городище. Волкова Евгения Алексеевна, 1923 г.р.

2002. д. Городок. Хренева Евдокия Никифоровна, 1914 г.р.

2002. д. Клин. Никандрова Евдокия Степановна, 1926 г.р., Ксения Михайловна, 1918 г.р., Александра Ивановна, 1922 г.р., Зоя Николаевна Гусева, ~ 1940-х гг.р.

2002. д. Крапивно. Федорова Анна Трофимовна, 1910 г.р.

2002. д. Никольское. Светова Мария Павловна, 1915 г.р. урожд. д. Жиды.

2002. д. Петрово. Николай Николаевич, 1928 г.р.

2002. д. Петровщина. Полякова Антонина Федоровна, 1915 г.р.

2002а. д. Б. Липицы. Ефимова Евгения Тимофеевна, 1924 г.р.

2002а. д. Городок. Нина Михайловна, 1929 г.р., урожд. д. Боровня.

2004. д. Болтово. Мария Васильевна Артемьева, 1920 г.р.

2004. д. Боровня. Дарья Федоровна Иванова, 1909 г.р.

2004. д. Вязище. Грубова Екатерина Михайловна 1938 г.р., Грубов Василий Иванович 1928 г.р., Иванова Зоя Серафимовна, 1938 г.р.

2004. д. Куклино. Мария, 1920 г.р.

2004. д. Софиевка (Высочка). Анна Федоровна, 1943 г.р.

2004а. д. Вязище. Лукашева Полина Федоровна, 1914 г.р.

2006. д. Жильско. Михаил Федорович, 1926 г.р. урожд. д. Малахово.

2006. д. Лишки. Замаркин Николай Иванович, 1928 г.р.

2006. д. Малахово. Валентина Федоровна, 1928 г.р., Мария Николаевна, 1925 г.р.

2006. д. Плосково. Петр Кузнецов, 1929 г.р.

2006. д. Рачково. Анна Андреевна Крючкова, 1919 г.р.

2006. д. Сельцо. Анастасия Егоровна, 1932 г.р.

2006. д. Ситня. Лебедева Галина Константиновна, 1929 г.р.

2006а. д. Ситня. Филатова Людмила Ивановна, 1914 г.р.

2006а. д. Жильско. Кузьмина Надежда Федоровна, 1924 г.р., урожд. д. Стрепилово.